

Александр Александров

ОБЖИГАЮЩИЙ ВЕТЕРА ЛЮБВИ

ВСЕМ СГОРЕВШИМ ОТ ЛЮБВИ И ТЕМ, КТО ВЫЖИЛ...

Александр Валерьевич Александров

Обжигающий ветер любви (сборник)

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6528535
Обжигающий ветер любви:

Аннотация

Книга состоит из двух повестей, объединенных общим эпиграфом-посвящением «Всем сгоревшим от любви и тем, кто выжил...» Так же в книгу включены несколько стихов о любви.

Повесть «Обжигающий ветер любви» поделена на две части. В первой, молодая семья Сибирцевых переживает кризис отношений. Безумная любовь, однажды накрепко связавшая Артура и Вику, вдруг куда-то уходит, тускнеет. Артур болезненно переживает это, мучается и всеми силами пытается вернуть былые чувства, сохранить семью. Хотя бы ради маленькой дочери.

Вторая часть показывает наших героев спустя шесть лет. Артур и Вика по-прежнему вместе, дочь Аленька уже школьница. Жизнь идет своим чередом. И тут вдруг судьба сводит Артура с молодой девушкой по имени Даша...

Повесть «На пороге греха». Семья Корабельниковых живет в Петербурге. Муж, Николай, работает токарем на заводе. Жена, Катя, заканчивает аспирантуру и преподает в университете. Сын,

Олег, учится в школе. Все идет, как идет. Но с годами, Катя чувствует все большую пустоту в душе. Она пытается разобраться в себе, понять причину...

Нечаянное знакомство с художником Дмитрием, словно высвечивает пропасть между Катей и мужем. И что теперь?.. Самой ей сделать выбор не под силу. Но жизнь справедливо расставляет все по местам, запросив за это, однако, слишком высокую цену.

Содержание

Обжигающий ветер любви	5
Часть 1	5
Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	18
Глава 4	27
Глава 5	45
Глава 6	59
Глава 7	73
Часть 2	75
Глава 1	75
Глава 2	84
Глава 3	95
Глава 4	100
Конец ознакомительного фрагмента.	102

Александр Александров

Обжигающий ветер любви (сборник)

Всем, сгоревшим от любви, и тем, кто выжил...

Обжигающий ветер любви

Часть 1

Глава 1

– Папа, когда мама придет? – четырехлетняя Аленка те-
ребит отца за рукав. В глазах – слезы.

– Скоро, доченька, скоро... – успокаивает ее Артур и, по-
садив на колени, крепко прижимает к себе.

Половина первого ночи. Старые настенные часы тихо от-
считывают секунды: «тик-так, тик-так». Эти размеренные
звуки наводят дикую тоску и кажутся невыносимыми.

Взяв дочь на руки, он начинает укачивать ее, как малень-
кую. Вскоре Аленка засыпает. Прикрыв дверь, Артур на цы-

почках выходит на кухню.

Ему нехорошо. По телу волнами пробегает дрожь, руки мелко трясутся, горло сжимают спазмы. Он чувствует, как начинают неметь кончики пальцев.

– Черт!.. Совсем нервы расшатались... – бормочет он, беспомощно роясь в пачке с сигаретами.

За окнами бушует метель. Снежная пыль кружит, мечется в тусклом свете уличных фонарей. В доме напротив гаснут окна: одно, другое, третье... Как свечи на ветру.

Из кухни виден край улицы. Артур всматривается в темноту, надеясь с высоты седьмого этажа разглядеть знакомый силуэт. Но улица пустынна.

В раковине – гора немытой посуды. Он стряхивает пепел в фарфоровое блюдо и рассеянно думает: «Курить опять начал... Зачем?».

Взгляд его падает на халат жены, небрежно висящий на стуле. Он вздрагивает, как от удара. «Да где же она!.. Хоть бы позвонила!».

Из комнаты слышится плач. Аленка проснулась... Этого только не хватало! Чего Артур терпеть не мог, так это детских слез...

– Где ма-ма-а-а? Когда-а приде-е-ет?!

– Скоро, скоро... Время еще рано. Ты спи, когда мама придет – я тебя разбужу.

– С тобой хочу! – Аленка обхватывает руками отца за шею и прижимается к его груди. У Артура перехватывает дыха-

ние – еще немного – и он сам зарывает.

– Ну, все, все!.. Перестань!.. Хочешь, сказку расскажу? Девчушка согласно кивает и шмыгает носом.

– В некотором царстве, некотором государстве... – протяжно, вполголоса начинает Артур.

Скоро Аленка уже спит... В наступившей тишине снова слышен лишь размеренный стук часов. Артур со страхом смотрит на циферблат. Стрелки неумолимо движутся по кругу... С каждой минутой становится все тревожней. И все труднее успокаивать себя. Сжав ладонями виски, он шепчет: «Только бы ничего не случилось! Только бы...».

Вика пришла под утро... Измученный долгим ожиданием, Артур услышал сначала шорох ключа в замке, потом – легкий щелчок и шум открывающейся двери. В прихожей вспыхнул свет. «Слава Богу!» – облегченно подумал он.

Вика никак не могла справиться с молнией на сапоге. Непослушная застежка, застряв посередине, не шла ни вверх, ни вниз... Отчаявшись, Вика взяла сапог руками за носок и каблук, рывком сдернула с ноги. Ее сильно качнуло, и, чтобы не упасть, она схватилась за стену.

Артур молча смотрел на жену. Выглядела она ужасно. Пока поднималась в лифте, снег растаял, и мокрые сосульки волос неряшливо свисали по сторонам. Лицо тоже было мокрым, один глаз потек, черная тушь расплылась на щеке. Увидев Артура, она пьяно улыбнулась, вытянула в трубочку раз-

мазанные губы и потянулась к нему. Удушливый запах винного перегара заставил его содрогнуться. Он отстранил жену и, глядя ей в глаза, спросил:

– Где шлялась?

– Я?.. Шлялась?.. – обиделась Вика. – Я шляюсь, значит...

Прекрасно!.. Мне что, уже и на день рождения к подруге сходить нельзя?

– Где ты была?

– На дне рождения... Выпили, посидели – а чего здесь такого?

– Хоть позвонить ты могла? Мы ждем здесь, волнуемся...

– Ха! Чувствительный какой... Он, видите ли, волнуется!

Я, может, тоже волнуюсь, да вида не подаю.

Артур понял, что говорить с ней бесполезно. По крайней мере сейчас... Он развернулся и пошел в комнату. Не раздеваясь, лег на диван.

Он слышал, как Вика гремела на кухне посудой, бесцельно бродила по комнатам, шумела водой в ванной.

Проснулась Аленка. Зажмурившись от яркого света, заплакала, но, увидев мать, успокоилась. Вика под села к Артуру на диван.

– Чего психуешь? Чего тебе не нравится?.. А?..

Она снова попыталась его поцеловать. Артур брезгливо поморщился и прикрылся руками. Но жена была настойчивой. Тогда он оттолкнул ее.

– Слушай, иди спать!

– Что? – Вика поджала губы. – Иди, да?.. Гонишь?..

Хорошо, я сейчас совсем уйду!

Она поднялась с дивана и пошла в прихожую. За ней с ревом, шлепая босыми ногами по полу, засеменила Аленка.

– Ма-а-ма-а!.. Не уходи, ма-ма-а!

Вика набросила пальто и принялась за сапоги. «В самом деле, ведь уйдет сейчас!» – испуганно подумал Артур.

– Ма-ма-а! Не уходи-и, я тебя слушаться бу-у-ду! – захлебываясь, плакала Аленка, приплясывая на месте.

Уже одетая, Вика, как ни в чем не бывало, расчесывалась перед зеркалом. И эта ее невозмутимость окончательно добила Артура. Не помня себя, он схватил ее за воротник, встряхнул так, что затрещала материя, и, задыхаясь от бешенства, зашептал:

– Если ты сейчас же не прекратишь!.. То... То... Я не знаю, что с тобой сделаю!

Он хрипло, со свистом, вздохнул и вдруг, уже не владея собой, крикнул:

– Спать!.. В постель! Живо!..

Крик этот подействовал на Вику отрезвляюще. Она покорно разделась и, ни слова не говоря, ушла в спальню.

Артур лег на диван. Трудно было дышать. Казалось, на груди у него – огромный тяжелый камень. С этим ощущением он и заснул.

Глава 2

Город был весь в снегу. Он лежал повсюду: на крышах, на деревьях, на тротуарах – только дороги темнели, как русла рек меж белых берегов.

Артур решил пройтись до работы пешком. После бессонной ночи он чувствовал себя отвратительно.

– Сибирцев! – остановил его знакомый голос. – По дожди!

Артур оглянулся и увидел сослуживца – Валерия Ивановича Шульгина, тренера по вольной борьбе. Вот уже два года кабинеты их были по соседству.

– Здравствуй!

– Привет...

– Чего такой вялый?

– Не выспался.

– Рано ложишься! Запомни – чем больше спишь, тем больше спать хочется... Вот я – засыпаю в одиннадцать, встаю – в семь... пробежка, душ контрастный... Бери пример.

– Ага, – кивнул Артур и посторонился.

Навстречу шла полная розовощекая женщина. На длинном поводке она вела двух фокстерьеров. Собаки были одеты в одинаковые байковые жилетки и шапочки; на лапах – что-то вроде детских пинеток. Бедолаги выглядели так же нелепо, как аквариумные рыбки в водонепроницаемых комбине-

зонах.

– Дурь! – мрачно изрек Валерий Иванович, глядя им вслед.

Сибирцев усмехнулся... Морозный воздух освежил его, но боль в груди не исчезла. «Может, это инфаркт? Или что там еще бывает? – вдруг с беспокойством подумал Артур. – Эти бесконечные ссоры... Как все надоело!.. То проклятия, то поцелуи... Если камень поливать то ледяной водой, то кипятком – он, в конце концов, треснет. А тут – сердце...»

На ступенях Дворца Спорта, опершись о фанерную лопату, стоял дворник Притыкин. Он стрельнул у Артура закурить и пожаловался:

– Глянь, сколько снега навалило... На неделю работы!

– Оставь, – пошутил Сибирцев, – все равно весной растает.

– Как же, оставишь тут с нашей коброй...

Коброй он называл Марину Михайловну Терентьеву – директора Дворца Спорта, с которой у него не складывались отношения.

А вообще Притыкин был мужик покладистый и даже добрый. Хотя внешне напоминал разбойника. Незнакомые люди принимали его за отпетого злодея. Это осложняло Притыкину жизнь... Трижды он бывал в Москве. И каждый раз на Красной площади у него проверяли документы.

– Слышь, Артур, взял бы ты моего пацана к себе?.. – смущенно попросил Притыкин, комкая в руках залатанные ру-

кавицы. – А то тихий он какой-то, ребята постоянно обижают... Научил бы чему-нибудь. Глядишь, в жизни пригодится...

– Хорошо, сколько лет ему?

– Тринадцать... скоро будет.

– Вообще-то это не мой возраст... Ну да ладно, приводи на тренировку – посмотрим.

Рабочий день начался с привычного чаепития. В кабинете у Артура было тесно – человек десять сидели и стояли, ожидая, пока закипит чайник.

Председатель профкома Нина Евгеньевна Яковлева примеряла перед зеркалом обновку – зимнее пальто. Рядом с ней крутились тренер женской волейбольной команды Инна Николаевна Амосова и методист по спортивно-оздоровительной гимнастике Ольга Сергеевна Константинова. Они томно вздыхали, охали и ахали... Нина Евгеньевна выглядела именинницей.

Тренер по фехтованию Паша Антонов мучился похмелем и приставал к женщинам. Причем делал это без какой-то определенной цели – просто так, мимоходом... В душе Паша был романтиком. Однажды он попал в больницу. Требовалось срочное хирургическое вмешательство. Но, даже находясь на операционном столе, он остался верен себе – читал вслух стихи и пытался заигрывать с медсестрами.

– Почему так? – философски размышлял Паша, приобни-

мая за талию гимнастку Любу. – Если тебе сегодня плохо, то это не значит, что завтра будет хорошо... Но если тебе сегодня хорошо – завтра обязательно будет плохо!

– Пить надо меньше, – игриво ответила девушка и легонько шлепнула его по затылку.

В кабинет вошла директор Дворца Спорта Терентьева – женщина властная и безапелляционная. Гремучий симбиоз базарной торговли и великосветской дамы... Подчиненных она тайно презирала, считая их неудачниками и лентяями.

– Марина Михайловна, попейте с нами чайку, – предложили ей, но она отказалась.

Взяв со стола список мероприятий, подготовленный Артуром, Терентьева пошла к выходу. Около Антонова она остановилась и повела носом, как легавая, учуявшая вальдшнепа.

Тот судорожно вцепился зубами в булку.

– Паша... – пригрозила пальчиком Марина Михайловна. – Смотри у меня!

В ответ Антонов промычал что-то нечленораздельное.

Едва за директором закрылась дверь, на пороге возник штангист Панфилов. Не отвечая на приветствия, он направился к столу, налил себе чаю. Обжигаясь, выпил всю чашку. Потом так же, молча, достал из кармана носовой платок и тщательно протер запотевшие стекла очков.

В помещении воцарилась тревожная тишина. Все замерли, недоумевая, отчего балагур и шутник Панфилов сегодня

такой. Может, случилось что?

– Меня, наверное, к ордену представят... – чуть слышно произнес, наконец, Панфилов.

– Что?.. Что он сказал?.. – зашелестело со всех сторон.

– К ордену... А может, и к Герою... – повторил он громче, и лицо его зарделось.

Тишина достигла абсолюта. Стало слышно, как дворник Притыкин соскребает снег со ступеней.

– Сегодня ночью в аэропорту... – начал Панфилов.

– Чего тебя понесло туда на ночь глядя? – удивленно воскликнул простодушный Шульгин, но на него возмущенно зашикали.

Так вот, – продолжал Панфилов, – сижу я в зале ожидания, скучаю... Вдруг вижу – мужик напротив, с большим черным портфелем. Станный какой-то... Он сразу мне не понравился. Подозрительный тип... Заметил, что я за ним наблюдаю, волноваться начал. Потом встал и пошел. Я – за ним... Он побежал. Я тоже... Догнал, а он вдруг пистолет откуда-то выхватил. Я оружие у него выбил, и – в челюсть! Он – мне... Начали мы с ним биться. Все кричат вокруг, визжат, но подойти боятся... Тут милиция подросла. Надели на него наручники, повели. Смотрю, портфель забыли! Открыл его, а там – бомба! Или мина... В общем, взрывное устройство... Проводков видимо-невидимо. Черненькие такие, тоненькие, колечками... Вдруг, думаю, сейчас рванет? Вцепился в эти тоненькие проводочки и ка-а-ак дерну!..

Тут рассказчик сделал маленькую паузу.

– А баба моя как заорет над ухом!..

Тут он сделал еще одну паузу.

– Просыпаюсь, а рука у жены на...

Взрыв хохота заглушил окончание фразы. Стекла на окнах задрожали. С подоконника слетели испуганные голуби.

– Ох, Владимир Николаевич, бить тебя некому и мне некогда, – смеясь, сказала Инна Евгеньевна.

– Фи, какая пошлость! – обиженно фыркнула Инна Николаевна и вышла, покачивая бедрами.

В спортивном обществе «Зенит» Сибирцев работал тренером по боксу, вел занятия в группе старших юношей. Тренировки, соревнования... Не сказать, чтобы Артура это очень вдохновляло, но все же было лучше, чем крутить гайки на заводе.

Захватив журнал учета посещаемости, он пошел в зал.

Ребята играли в ручной мяч. Человек тридцать, одетых в спортивную форму, носились от ворот до ворот. Топот ног, шум борьбы, крики... Звонкие голоса эхом отдавались под высокими сводами.

Артур хлопнул в ладоши, и игра прервалась.

– Строиться! – крикнул один из парней. Когда ребята, подровняв носки, выстроились вдоль стены, он бодро отрапортовал:

– Артур Викторович, группа к занятиям готова!

Отметив в списке отсутствующих, Сибирцев кивнул ему:
– Проводи разминку...

Саша Соколов был старостой группы. В этом году он оканчивал школу и готовился поступать в институт физкультуры, учиться на тренера. Артур давно уже поручал ему проводить не только разминку, но и тренировку, если сам не мог.

«А ведь чуть не проморгал пацана», – подумал Сибирцев, глядя, как уверенно и легко он руководит группой.

Саша пришел к нему три года назад – угловатый, застенчивый, белокурый. «Ну, какой из него боец?» – усмехнулся про себя Артур, глядя в его синие невинные глаза. – Типичный маменькин сынок!»

Первое время он не принимал его всерьез. Не было у парня ни выдающихся физических данных, ни явных способностей. Если чем и отличался, так это непомерным упорством. Да и то лишь на тренировках, при отработке технических элементов. В бою, если соперник был равным или чуть сильнее, он сразу отдавал инициативу. Сибирцев относил это к слабости характера... Но однажды, будучи в хорошем настроении, Артур похвалил его. Причем сделал это просто так, скорее, из жалости, видя, как безнадежно тот проигрывает спарринг¹. И случилось неожиданное! Соколов блестяще завершил поединок... Озадаченный, Сибирцев решил поэкспериментировать. Он принялся хвалить его по малейшему поводу, ставить в пример другим – и результаты не

¹ Спарринг – тренировочный бой.

замедлили сказаться. Парня как подменили... К тому же у него обнаружился незаурядный боевой интеллект – оружие поважнее крепких кулаков и стальных бицепсов... Сейчас он один из лучших бойцов. Даже самоуверенный и наглый тяжеловес Ковалевский относится к нему с почтением.

После разминки Артур объявил о предстоящих соревнованиях. Ребята восторженно загудели, послышались крики «Ура!».

– Турнир достаточно серьезный, – продолжал Сибирцев. – Первенство будут оспаривать команды из разных городов страны. Возможно участие зарубежных клубов. В число приглашенных попали и мы. Надеюсь, краснеть за вас не придется. Поедут...

Он назвал несколько фамилий.

– Другие претенденты определятся после сегодняшних спаррингов.

Шумной толпой все двинулись на второй этаж. Там был еще один зал, поменьше. В центре возвышался ринг, а вдоль зеркальных стен висели разномастные боксерские мешки и груши.

Те, кому предстояло драться, деловито принялись бинтовать кисти рук, натягивать перчатки. Остальные в качестве зрителей расположились вокруг ринга.

...Минут через сорок стали известны еще четверо кандидатов на поездку. Счастливые, они принимали поздравления от товарищей. Проигравшие горестно вздыхали.

Сибирцев отправил всех в душ, а сам остался один в пустом полутемном зале. Долго сидел на низенькой скамейке, рассматривая в зеркале своего двойника. Домой идти не хотелось. Откуда-то, будто туча на солнце, медленно, но верно наползала тоска.

Артур подобрал с пола перчатки, натянул их, подошел к боксерскому мешку. Постоял, прислушиваясь к себе, и коротко без замаха ударил. Потом еще и еще... Все быстрее и быстрее... Словно дождь по крыше... Прямые, боковые, снизу... Бил и бил до тех пор, пока не потемнело в глазах.

Глава 3

В выходные Сибирцев любил поспать, но сегодня, против обыкновения, встал рано. Стараясь не шуметь, чтобы не разбудить Вику и Аленку, потихоньку оделся и вышел на кухню.

Утро выдалось по-зимнему сумрачным. Он зажег свет и под сипение закипающего чайника принялся листать потрепанную книгу.

На душе было нехорошо. Грядущий день не радовал.

Со среды Артур не разговаривал с женой, и спали они порознь. Сибирцев чувствовал, что нервы уже на пределе... Зато Вика, похоже, особых мук не испытывала, играть с ней в молчанку – все равно что сражаться хворостиной с рыцарем, закованным в латы... Она знала: рано или поздно природа возьмет свое, и тогда муж, забыв обо всех своих принципах,

сам пойдет на примирение. Постель – вот главный козырь женщины в любом споре с мужчиной.

Как правило, Артур долго не выдерживал: смирив гордость, он прощал ей обиды. Прощал... Но забыть не мог. И с каждой ссорой росла между ними стена отчуждения.

Понимала ли Вика необратимость происходящего? Задумывалась ли о будущем? Вряд ли... Как всякая легкомысленная и красивая женщина, она жила одним днем.

Провалявшись до обеда в кровати, Вика решила, наконец, заняться уборкой. Чтобы не мешать ей, Артур и Аленка пошли гулять.

После морозных и ветреных дней установилась оттепель. Промокший снег таял. Город тонул в зыбком туманном мареве. Серые громады домов, как айсберги, призрачными миражами уплывали к горизонту. С крыш капало, и пахло весной.

Во дворе играли дети. Они лепили снеговика. Дело подходило к концу: один из юных скульпторов нахлобучил на снежный шар, обозначавший голову, дырявую шляпу; другой воткнул между нарисованных глаз красную морковину; третий надел большие проволочные очки.

Аленку позвали подружки, и она побежала к ним. Сибирцев достал сигареты...

Среди детей, лепивших снеговика, он увидел мужчину маленького роста. Приглядевшись, узнал в нем Василия Пав-

ловича Баженова.

Они жили в одном доме. Знакомые и соседи считали его чудаком и иначе, чем Васей Блаженным, не называли.

Василий Павлович был человеком своеобразным. Время от времени его захлестывало какое-нибудь модное поветрие... То он загорался идеей создания семейного музыкального ансамбля, то хотел совершить велосипедный пробег по дорогам Нечерноземья, то увлекался иностранным языком и требовал от домашних, чтобы с ним общались исключительно на английском... Но никогда не доводил он начатое дело до конца, всегда остывал раньше, чем добивался результата. Люди за глаза посмеивались над ним. Однако это его мало огорчало. Никто никогда не видел Баженова грустным.

Ему было за сорок. Работал технологом на заводе, активно печатался в заводской многотиражке... Вместе с женой они растили пятерых сыновей. Младший еще только учился ходить, а старший уже оканчивал школу и занимался у Артура в секции бокса. Благодаря этому они и познакомились.

Месяца два назад Артур заглянул к ним домой – надо было договориться о покупке единой спортивной формы для ребят. Василий Павлович встретил его радушно. Усадил за стол, напоил чаем с клубничным вареньем.

Поговорив о деле, Сибирцев собрался уходить, но хозяин неожиданно предложил:

– Хотите, покажу что-то интересное?

Заинтригованный Артур согласно кивнул. Василий Пав-

лович ушел в другую комнату, долго рылся на антресолях, ронял какие-то предметы. Наконец вернулся, держа в руках нечто, напоминавшее амбарную книгу.

– Что это? – спросил Артур. – Семейные реликвии? Фотографии предков?

– Вы почти угадали, – улыбнулся Баженов. – Это роман, в котором описана история нашего рода. Генеалогическое древо, так сказать, на фоне катаклизмов эпохи... Все персонажи – мои родственники. Сейчас я готовлю это к печати, и мне хотелось бы прочесть...

– Знаете, – заерзал на стуле Сибирцев, – я совсем не разбираюсь в литературе... Поэтому вряд ли смогу оценить ваше произведение.

– Да? – удивленно приподнял брови Василий Павлович. – А мне говорили, что вы занимаетесь в литературном объединении при газете...

– Очевидно, меня с кем-то спутали.

– Что ж, может быть... Но тем лучше! Выскажите свое мнение как рядовой читатель.

– Хорошо, только у меня мало времени.

– Я не задержу вас долго... Прочту выборочно. Хотя, конечно, хотелось бы, чтобы вы услышали все. Ведь фразы, вырванные из контекста, сами понимаете, могут звучать совсем по-иному. Ну да ладно... Вот, допустим, сцена весеннего утра, когда двое – молодой офицер и его дама – едут на вокзал. Он уезжает на первую мировую. Впереди сражения,

слава... Кстати, его наградят «Георгием». Об этом напишут в газетах... Итак, слушайте...

Василий Павлович откашлялся и начал читать.

– «Утро разливалось ветреным солнцем. Они ехали по набережной, сидя в пролетке, и молчали. Под ногами лошадей похрустывал весенней корочкой ночной заморозок. Анна Федоровна сидела, охваченная возбуждением от предчувствия будущей значимости своего друга, еще не окунувшегося в липкое облако небывалой известности.

Сергей Сергеевич улыбался, невольно любясь спутницей, ее бледными чертами лица, и восхищенно вздыхал.

Будущее светало и звало...»

Василий Павлович бросил в сторону Артура быстрый взгляд. Глаза его сияли.

– Это, как вы понимаете, мои прабабушка и прадедушка. Он полистал рукопись.

– А вот здесь двоюродная племянница деда по материнской линии принимает предложение руки и сердца от учителя географии Зайцева.

«Она замолчала внезапно... Выждав немного, для отвода глаз помявшись, чтобы не продешевить лицом, сдерживая восторженный стон, опустив выдавшие ее внутреннее состояние глаза, с наигранным большим усилием равнодушием, сказала: «Согласна!»

Василий Павлович снова взглянул на Артура, стараясь по-

нать: понравилось или нет?

Сибирцев был ни жив, ни мертв. Он не знал, как поступить. Встать и, сославшись на занятость, уйти? Но этим можно обидеть человека... Сказать правду? Но так вообще можно убить автора... Оставалось одно – терпеть!

Артур сидел весь пунцовый, уши горели. Было такое чувство, словно он украл у хозяина вилку и попался. Стыдливая улыбка кривила его губы.

Василий Павлович расценил это как одобрение и продолжил...

– А тут я о дяде своем рассказываю, старшем брате отца, который лесорубом всю жизнь проработал. Однажды его придавило стволом упавшей сосны. Но он выжил... Что-бы вернуться в строй... Корреспондент районной газеты, его ровесник, когда-то писавший о нем, спустя годы, снова встречает его на лесной делянке.

«И вот новая встреча в лесу. Снова Данилов за рычагами трактора. Что это – второе дыхание? Новый всплеск души лесоруба? Может быть и то, и другое. Но, как и тогда, в их предыдущую встречу, он расторопен и бодр. Не зря же его взяли в компанию, где люди моложе».

Журналист спрашивает его...

«Как состоялась стыковка поколений?» – «Очень просто. Нашли друг друга и пошли работать».

Журналист интересуется, что волнует лесоруба.

«Хотя у нас сейчас идет сокращение штатов, – отвечает

он, — все же в лесопункте много народу кормится возле письменных столов, а не у пня. Надо сделать поменьше конторы, тогда и лес будет дешевле, и наше финансовое положение упрочится... Мы ведь не сбоку припека в лесу, а своим горбом его берем».

Баженов прервал чтение.

— Здесь еще много, но, я смотрю, вы устали... Если хотите, приходите завтра, я дочитаю.

Артур поблагодарил и направился к выходу.

— Как вы считаете, это опубликуют? — с надеждой спросил Василий Павлович. — Только честно...

Пряча глаза, Сибирцев сказал что-то неопределенное и торопливо шагнул за порог.

Когда Артур и Аленка вернулись с прогулки, в доме был наведен идеальный порядок. Вика сидела на диване и смотрела телевизор.

Артур присел рядом. Он почти касался ее плечом. Стоило обнять — и мир в семье был бы восстановлен. Однако самолюбие не позволяло этого сделать.

«Интересно получается... — думал он. — Жена приходит домой к утру, поддтая, а муж должен бегать вокруг нее на полусогнутых... Может, еще прощения попросить?».

Конечно, втайне Сибирцев надеялся, что Вика даст повод для примирения: заговорит с ним, улыбнется или хотя бы посмотрит по-человечески. Пусть только сделает это первой!

Но Вика даже не глядела в его сторону. Внимание было приковано к телеэкрану. Судя по напряженному лицу, происходящее там всерьез занимало ее. Все остальное не имело значения.

«Взять бы сейчас этот ящик, да шарахнуть об пол! – с неожиданной злостью подумал Артур. – Чтобы вдребезги!.. На мелкие кусочки!»

Досмотрев фильм, Вика накормила Аленку и увела в спальню. Артур прилег на диван.

Короткий зимний день угасал. «Выплюсь сейчас, а что ночью делать буду?» – мелькнула мысль. Ночи он просто боялся. Ледяное спокойствие жены приводило его в отчаяние.

Сибирцев попытался отвлечься, но не смог. Ему было одиноко, холодно и тоскливо. Что-то давило на грудь и мешало дышать.

«За что?.. За что я страдаю? – думал он. – Разве я в чем-то виноват? Отчего она обращается со мной, как жестокий хозяин со своей собакой: захочет – приласкает, захочет – даст пинка... Как это унижительно... Тряпка, слабак! Ноги о тебя вытирать!»

Артур почувствовал, как защипало в носу. Из зажмуренных глаз по вискам скользнули слезы. Шумно сглотнув, он качнул головой, чтобы стряхнуть их... – и тут внутри у него словно лопнула какая-то пружина. Слезы ручьями хлынули из глаз. Он застонал и замотал головой еще сильнее. Громкие рыдания против его воли вырвались из груди.

Он бился в истерике и не мог остановиться.

Распахнулась дверь, в комнату вбежала испуганная жена.

– Что с тобой?.. Успокойся!.. Что ты?..

– Не-не-нена-вижу! С-себя... ненавижу-у! – сквозь всхлипы простонал Артур.

Ему было стыдно. Он чувствовал себя полным ничтожеством.

– Перестань, слышишь, не надо! – скороговоркой шептала Вика, обнимая его.

Вдруг Артур замер.

– Рук не чувствую... – испуганно произнес он.

– Что?

– Онемели!

Руки были как чужие... Артур бросился в ванную. Непослушными пальцами крутанул вентиль смесителя. Ледяная вода, хлынувшая из душа, накрыла его с головой.

Через минуту он облегченно вздохнул:

– Кажется, проходит... Отпустило...

Сибирцев стоял босиком на холодном кафельном полу. Рубашка прилипла к телу, с волос струйками сбегала вода.

Вика накрыла его полотенцем и принялась сушить голову. Потом крепко прижалась к нему.

Артур провел ладонью по ее щеке. Она была мокрой. Вначале Сибирцев подумал, что это вода. Потом понял – слезы...

– Ты меня любишь?.. Любишь?! – спросил он дрожащим,

прерывистым голосом.

– Люблю... – тихо ответила Вика.

Глава 4

На соревнования Артур взял самых проверенных, самых надежных ребят. Перед отъездом директор Дворца Спорта Терентьева сказала:

– Послушай, Сибирцев... Ты говорил, что тебе нужны новые перчатки, тренажеры, ремонт в маленьком зале... Так вот, если займете хотя бы третье место, обещаю – будет все, о чем просил... А иначе – не обессудь...

– Постараемся, – бодро ответил Артур, а сам подумал:

«Какое там третье место! В первую шестерку войти – и то за счастье».

На турнир такого ранга он выезжал не впервые и знал, что на результат влияет не столько мастерство боксеров, сколько расположение судей и известность тренера. Если бой равный, то преимущество всегда будет на стороне того, чей наставник более знаменит... Куда ему тягаться с заслуженными тренерами... В индивидуальных поединках еще можно рассчитывать на чей-нибудь успех, но в командном первенстве шансов практически не было.

И все же Сибирцев ехал на эти соревнования с радостью. Само приглашение принять в них участие уже говорило о многом. Кого попало, на такие турниры не позовут.

Под стук вагонных колес Артур полудремал на нижней полке плацкартного вагона. Ребята, собравшись в соседнем купе, травили анекдоты. Воздух то и дело сотрясали взрывы безудержного хохота.

«А когда же я смеялся так в последний раз?» – с грустью подумал Сибирцев.

Он вспомнил, как ехал со службы домой. Так же искрился под солнцем снег, так же стучали по рельсам колеса, так же мелькали за окном и уносились прочь шумные города и безлюдные полустанки. Позади – два года в морской пехоте. Впереди – вся жизнь... Казалось, она будет сплошным праздником.

Артур вернулся в родной город за неделю до Нового года. Все, кто уходил вместе с ним, давно уволились в запас. Лишь он один с «дембелем» подзадержался.

Родственники и друзья устроили пышную встречу. Артур радовался теплоте приему, но едва ступил на родной перрон, уже не мог думать ни о чем – только о той, что ждала его...

Вечером Сибирцев отправился к ней. Снег поскрипывал под подошвами тяжелых десантных ботинок. Из распахнутого ворота пятнистого бушлата выглядывал уголок флотской тельняшки. На погонах желтели старшинские лычки. Лихо заломленный черный берет с золотистой кокардой едва держался на макушке. Гвардеец... Но кто бы знал, как трепетала

его душа! Слишком долго они не виделись. Только письма, письма...

В народе живет примета: если девушка провожает парня со слезами – значит, не дождется. Видимо, что-то здесь есть... Артур убедился в этом на опыте приятелей и знакомых. Уж как рыдали некоторые девчонки, как висли на шее у своих ребят! Но прошло полгода – и все позабыто...

Вика, когда провожала его, ни разу не прослезилась. Артура это даже немного задело – все-таки на два года человек уезжает. На фоне других она вела себя, пожалуй, слишком сдержанно. В прощальном поцелуе не чувствовалось безысходности. Все было буднично и просто.

Потом они писали друг другу письма. Артур – длинные, обстоятельные, с налетом романтики. Вика – непритязательные, без излишеств, где рассказывала, в основном, о работе, погоде и общих друзьях. Иногда они обменивались фотографиями... Письма и фото Артур бережно хранил, но никому не показывал. Потому что в тексте встречались ошибки, а на снимках Вика совсем не походила на себя. Яркая брюнетка с тонкими, правильными чертами лица почему-то на фотографиях превращалась в серенькую блеклую простушку, которую даже симпатичной назвать было нельзя.

...Сибирцев остановился возле пятиэтажного блочного дома. Придерживая берет, поискал глазами ее окна.

На кухне у Вики горел свет, а в комнате дрожащими бликами пульсировала «цветомузыка».

Взбежав по лестнице на четвертый этаж, Артур замер перед обитой синим дерматином дверью. Из квартиры доносились приглушенные голоса, танцевальные ритмы.

«Кажется, я не вовремя, – подумал Сибирцев. – Еще и вырядился как на парад...».

Ему вдруг стало неловко, что он пришел в форме. Артур надавил на кнопку звонка. Послышались торопливые шаги, щелкнул замок, дверь распахнулась.

– Арту-у-ур! – всплеснув руками, воскликнула подруга Вики. – Вот это сюрприз!

Она впустила его и, обернувшись, крикнула:

– Артур приехал!

Раздались звон разбитой посуды, недоуменные возгласы.

Он шагнул в комнату – и в мерцании разноцветных огней увидел ее. Вика шла навстречу... прямо по столу! Освобождая дорогу, гости торопливо выхватывали у нее из-под ног тарелки с закуской.

Артур подхватил ее на руки.

– Горько! – крикнул кто-то.

Смеясь, она поцеловала его в губы.

Народ за столом задвигался, освобождая им место.

– Давайте, за встречу... –

– Солдату – штрафную!

Артур осмотрелся... Какие-то незнакомые люди. Для чего они здесь собрались?

– Уйдем отсюда, – шепнул он Вике.

Они вышли на улицу. В морозном воздухе кружились снежинки.

– По какому поводу гулянье? – спросил Артур.

– У моей знакомой – ты ее не знаешь – парень вернулся. Они тоже два года не виделись... Надо было отметить событие. У нее – никак: комнатка маленькая в коммуналке и мама больная. Вот я их и пустила.

– А где он служил?

– Он не служил, он сидел...

– Вот как? – Артур остановился. – Не боишься, что когда вернешься, одни стены останутся?

– Он же не вор. – Вика улыбнулась. – Просто не повезло. Случайно сбил человека, на машине.

Они медленно шли по заснеженному тротуару. Вика держала его под руку.

– Как долго я тебя ждала... – смущаясь, сказала она и прижалась щекой к его плечу.

– Ничего... – ответил Артур. – Зато теперь мы всегда будем вместе.

Долго гуляли они по тихим вечерним улицам. Целовались, говорили о чем-то, снова целовались. И во всем городе не было никого счастливее их...

А потом наступил Новый год. Встречать его решили на квартире у Вики. Она жила одна, без родителей. Воспитывала ее бабушка, которая имела свой угол и в дела взрослой внучки не вмешивалась.

Утром, тридцать первого, Артур съездил за город, привез большую пушистую елку. Когда деревце оттаяло и расправило скованные снегом и льдом ветки, Вика достала из шкафа коробку с елочными украшениями.

Вдыхая запах свежей хвои, Артур развешивал стеклянные игрушки и украдкой посматривал на Вику. Она стояла возле разрисованного морозными узорами окна и, задумавшись, смотрела на улицу. Внезапно солнечный луч пробился сквозь тучи. Комната вмиг стала нежно-розовой. Слабый ответ упал на ее лицо. В этом волшебном сиянии Вика показалась ему божественно-прекрасной. Черты ее были настолько совершенны, что у Артура перехватило дыхание.

День прошел в предпраздничных хлопотах. Дважды Сибирцев ходил в магазин, чистил картошку, открывал всевозможные банки. Потом подошли Викины подруги и оставили его без работы. Ближе к полуночи стали собираться гости: в основном – молодые пары, еще не связанные узами супружества. Все здесь знали друг друга, поэтому легко общались между собой.

Вика встречала гостей в длинном черном платье с блестками.

Ударили куранты... В разных концах стола захлопало пробками шампанское. Под визг и крики разлили пенящийся напиток в бокалы, выпили стоя.

– С Новым годом! – сказал Артур, чокаясь с Викторией.

– С новым счастьем! – ответила она и улыбнулась. В ее

зрачках отражались огоньки елочных гирлянд.

По мере того, как на столе уменьшалось количество закуски, разговоры становились все более оживленными. Кому-то захотелось танцевать. Включили музыку, задвигали стульями.

– Внимание! – выкрикнул дипломированный массовик-затейник Грачев, уже изрядно подогретый спиртным. – Объявляем конкурс на самую красивую пару. Все танцуют, а жюри определяет победителей. Поехали!..

Кружась под звуки протяжной мелодии, Артур обнимал Вику. Он чувствовал себя уверенным и сильным.

Привстав на носки, Вика чуть слышно шепнула ему на ухо:

– Я люблю тебя.

Артур крепко прижал ее к себе и, ткнувшись губами в мягкие локоны волос, так же тихо ответил;

– Единственная моя... Любимая.

Танец кончился. Грачев объявил:

– Единогласным решением судей, то бишь жюри, самой красивой парой признаны...

Он сделал многозначительную паузу.

– ...Артур и Вика!

Раздались аплодисменты.

– А как насчет приза? – крикнул кто-то.

Грачев задумался. Потом сбегал на кухню и вернулся с двумя большими яблоками.

– Это тебе... А это – тебе....

Веселье продолжалось до самого утра. Лишь после того, как один молодой человек объявил себя наследником Чингисхана, другой стал лаять по-собачьи, а девушка по имени Люся едва не выпрыгнула с балкона, гости начали потихоньку расходиться.

«Как давно это было, – подумал Сибирцев, поворачиваясь на жесткой вагонной полке. – И куда все исчезло?»

На вокзале команду встречал знакомый представитель спорткомитета. Артур увидел его с подножки вагона и помаhal рукой.

Тот подошел возбужденный, раскрасневшийся от мороза, в распахнутом полушубке. Поздоровавшись с Сибирцевым, озорно улыбнулся ребятам:

– Ну что, орлы, драться будем?

А то, как же! – в тон ему ответил тяжеловес Ковалевский. – За тем и приехали...

Смешавшись с толпой пассажиров, они пошли к автобусной остановке. Артур озабоченно поглядывал по сторонам – не отстал бы кто.

В ожидании нужного маршрута укрылись от ветра на кирпичной веранде. Сквозь дырявую крышу виднелось серое небо. Стены были расписаны и разрисованы сверху донизу. Какая-то любопытная старушка, беззвучно шевеля губами, сосредоточенно читала надписи и внимательно рассматрива-

ла рисунки. Со стороны могло показаться, будто она изучает театральную афишу.

Подошел автобус. Оледеневшие двери с лязгом распахнулись, и продрогшие пассажиры бросились занимать места.

По пути в гостиницу ребята болтали между собой, глазели из окон на местные достопримечательности.

Один из парней, утомленный дорогой, задремал. Тут же нашелся шутник – прилепил ему на нижнюю губу ленточку автобусных талонов. Бедолага стал похож на кассовый аппарат. Все покатывались со смеху. Только спящий ничего не чувствовал и продолжал клевать носом.

В гостинице их ждали забронированные номера: два четырех-местных и два двухместных. Один из двухместных номеров заняли Соколов и Ковалевский – как самые старшие и авторитетные, другой – Артур.

Рядом поселилась команда из крупного промышленного центра, известного в боксерской среде.

Тренер соседей зашел познакомиться. Артуру он почему-то сразу не понравился. Бывает так – еще не успел пообщаться с человеком, а уже чувствуешь антипатию. Он вошел не постучавшись, протянул руку:

– Карнаухов...

Сибирцев пожал влажную пухлую ладонь. Гость огляделся по сторонам, подошел к окну, открыл форточку.

– Душно.

Потом плюхнулся на заправленную кровать и, закинув но-

гу за ногу, произнес:

– Рассказывай, как там у вас?

Бесцеремонность покорила Артура. Гость вел себя так, словно они были давно знакомы. Хотя виделись впервые.

Выглядел он лет на тридцать пять. Из-под расстегнутой спортивной куртки выпирал оформившийся животик. Гладко выбритые полные щеки лоснились. Маленькие водянисто-серые глаза, опущенные белесыми ресницами, смотрели с насмешливым прищуром.

Задушевной беседы не вышло. Перекинувшись для приличия парой фраз, Артур сослался на занятость и выпроводил гостя.

А дел и вправду оказалось достаточно. Сначала нужно было получить талоны на питание, потом пройти медкомиссию, взвешивание, жеребьевку, оформить кое-какие документы. В общем, только успевай поворачиваться... Сибирцев даже пожалел, что они не приехали на денек пораньше.

В столовой гостиницы кормили неплохо. Вот только не все смогли в полной мере это оценить. Большинство ребят боялось выйти из своей весовой категории, поэтому к еде относились осторожно. Только легковес Андреев уплетал за обе щеки. Ему сидеть на диете было ни к чему. На прошлых соревнованиях он оказался даже легче, чем требовалось. Пришлось перед контрольным взвешиванием подкладывать в плавки железные болты и гайки. После чего он получил заслуженную кличку – «металлист».

Вечером, когда Артур лежал на кровати поверх одеяла и читал книгу, в номер снова заглянул Карнаухов.

– Скучаешь?

– Да так... – неопределенно пожал плечами Сибирцев.

– Выпить хочешь? Пойдем, у меня есть.

– Спасибо, – покачал головой Артур. – Не хочу... Да и открытие завтра...

– Ты чего, на ринг, что ли, собрался? – хохотнул гость. – Тебе же морду подставлять не надо! Махнул пару раз полотенцем – и сиди, отдыхай.

– Все равно – не хочу...

– Ну и хрен с тобой!

– Кстати, – поморщился Сибирцев, – ты не мог бы выражаться чуть попроще... Хотя бы при пацанах... А то от твоего мата уши вянут.

– Бог ты мой! Какие нежности... Можно подумать, они ничего подобного в жизни не слышали. С пеленок их гувернантки за ручку водили... Очнись, Макаренко!.. И как ты их драться-то учишь? Тоже, небось, со всякими интеллигентскими штучками? Простите, извините, целился, мол, в глаз, а попал по носу! Так?.. – он рассмеялся. – Пойми, чудак, это же бокс, а не шахматы! Здесь сантименты ни к чему! Либо ты его, либо он тебя. Третьего не дано... Ударил хорошо, видишь, что поплыл – добей!.. Нос расквасил? Целься туда же!.. Бровь рассек? Еще добавь!.. Выживает сильнейший – это закон жизни, суровый, но справедливый... Разве не так?

– Не знаю, – уклончиво ответил Артур. Спорить с ним не хотелось.

Карнаухов посидел еще немного и пошел искать напарника на выпивку, а Сибирцев отправился к ребятам. Завтра предстоял трудный день, и хотелось поддержать их боевой дух.

Открытие первенства среди старших юношей на приз героя Советского Союза Крымова прошло торжественно и шумно. Организаторы постарались, и, надо отдать им должное, – праздник, действительно, удался. Под звуки труб участники турнира в колонну по одному, покомандно с тренером во главе, прошли по кругу большого спортивного зала. Зрители с трибун приветствовали их... Потом спортсмены выстроились вокруг ринга, установленного в центре. Именитые мастера пожелали молодежи сохранять и приумножать традиции отечественного бокса; известный артист вспомнил о своем давнем увлечении и пожалел, что молодость уже не вернешь; популярная группа под фонограмму исполнила пару шлягеров. И, наконец, под звуки гимна были подняты стяги с символикой спортивных клубов – участников соревнований.

Команда Сибирцева не потерялась среди прочих. Не зря он столько бился над поиском единой спортивной формы. В ярко-алых майках и синих атласных трусах с зеленой окантовкой ребята выглядели превосходно. Даже «боксерки» на

ногах у всех были одинаковые – кожаные, черные, отделанные коричневой и желтой замшей... В общем, зрителям, соперникам и судьям команда запомнилась.

Первые поединки, состоявшиеся сразу после церемонии открытия, закончились для воспитанников Сибирцева удачно. Все ребята прошли в следующий тур. Он радовался вместе со всеми. Но праздничное настроение было омрачено неприятным эпизодом.

В самый разгар первого дня соревнований Артуру зачем-то понадобилось в раздевалку. Проходя по узкому полутемному коридору, он случайно оказался свидетелем разборки тренера Карнаухова со своим учеником. Парнишка только что провел тяжелый, изнурительный поединок с сильным и опытным соперником. Сибирцев видел этот бой... Вряд ли в чем можно было упрекнуть проигравшего. На ринге он сделал все, что мог. Но, видимо, его наставник считал иначе.

– Сволочь! Позорник!.. – кричал, багровея, Карнаухов. Никогда больше не возьму тебя!.. Подвел команду, гад!.. Юноша стоял, понутив голову. Под носом чернела запекшаяся кровь, глаз заплыл от удара. Он не успел даже снять перчатки.

Артур проходил мимо, когда Карнаухов, исчерпав словесные аргументы, неожиданно размахнулся и залепил парню увесистую оплеуху.

Сибирцев схватил тренера за руку:

– Ты чего?!

– Отвали!... – грозно рявкнул Карнаухов. – А то и тебе сейчас достанется!

– Что-о? – тихо сказал Артур.

Карнаухов осекся, увидев его глаза.

– Ничего, ничего... Извини... – совершенно другим тоном быстро забормотал он. – Погорячился... Прости.

– Вышибалой тебе в кабаке работать, а не тренером... – с горечью произнес Артур.

После этого случая они вообще перестали общаться. И даже не здоровались.

Несколько дней продолжались поединки. Наконец пришло время финальных боев.

Из команды Сибирцева в финал пробились двое. А по общекомандным результатам воспитанники Артура вполне могли рассчитывать на почетное третье место. Все сейчас зависело от того, как выступят финалисты: победят – команда попадет в тройку призеров; хоть один проиграет – все пропало.

Первым на ринг вышел легковес Андреев. Соперник ему попался достойный. Никто не хотел уступать. До последней секунды оба сражались за победу.

Судьи долго совещались, прежде чем вынести решение. С перевесом в один голос победил Андреев. Надо было видеть его радость!..

Теперь пришла очередь Саши Соколова. По иронии судьбы ему предстояло встретиться с подопечным тренера Карнаухова.

Проходя мимо раздевалки, Артур услышал, как тот готовил своего боксера к бою. Характерные звуки ударов перчаток по «лапам»² сопровождались выразительными комментариями.

– Что ты шлепаешь, как по жопе ладошкой! Резче бей!.. Еще!..

Артур прошел дальше по коридору и свернул к себе, в свою раздевалку, где его ждал Соколов.

Саша сидел на подоконнике и эластичным бинтом обматывал кисти рук. Увидев Артура, он улыбнулся:

– Говорят, Андреев выиграл?

– Выиграл... И ты тоже старайся.

Сибирцев помог ему надеть перчатки, туго стянул шнурки на запястьях, завязал и тщательно спрятал концы. Потом взял «лапы».

– Ну, что, погреемся?

После того, как Саша размялся, Артур набросил ему на плечи большое махровое полотенце, и они направились к выходу.

Из динамиков донеслось:

– На ринг приглашается следующая пара боксеров... В си-нем углу – чемпион Н-ской области, серебряный призер пер-

² Лапа – приспособление для отработки ударов в боксе; надевается на ладонь.

венства Северо-Западной зоны РСФСР среди старших юношей Александр Соколов, спортивное общество «Зенит»... В красном углу – чемпион Российской Федерации среди старших юношей Сергей Крюков, «Труд».

Боксеры встретились в центре ринга, пожали друг другу руки и вернулись на свои места.

Сибирцев смочил в воде резиновый загубник и подал Саше. Тот сунул его в рот и стиснул зубами.

– Боксер готов? – спросил рефери.

– Готов, – ответил Артур.

– Ваш готов? – обратился рефери в противоположный угол.

– Готов!.. – донеслось оттуда.

– Секунданты – за ринг! Боксеры – на середину!

Сибирцев нырнул под канаты. Прежде чем спуститься помоста, бросил быстрый взгляд в угол соперника. Карнаухов тоже смотрел в его сторону. Их глаза встретились. Артуру показалось, что он ухмыльнулся.

Гонг ударил, как набатный колокол. Пританцовывая, боксеры закружились по рингу.

Сибирцев внимательно следил за поединком.

Первые две минуты прошли в обоюдной разведке. На чьей стороне перевес – определить было невозможно.

Пошла последняя минута первого раунда...

Артур поискал глазами своих ребят – надо поддержать Соколова. Но они, похоже, и сами догадались. Перекрывая

шум и крики, начали скандировать:

– Са-ня! Са-ня! Са-ня!

Легковес Андреев пробрался к самому рингу и крикнул что есть мочи:

– «Коронку» давай!

Соколов услышал... Он словно вспомнил, что за весь раунд так и не воспользовался своей любимой комбинацией.

Выбрав момент, он блестяще провел «двойку» – левый прямой, правый боковой в голову. Оба удара достигли цели.

– Еще! – крикнул Андреев.

Соколов повторил... Случилось это как раз в тот момент, когда Крюков рванулся в атаку. Встречный левой потряс его и заставил остановиться, а удар справа погасил сознание... По инерции он сделал еще два шага вперед и упал лицом вниз.

Нокаут!

Рефери отправил Соколова в нейтральный угол и открыл счет. Хотя и без того было ясно – Крюков драться уже не сможет.

– Артур Викторович! Вы видели? Я победил!.. – почти кричал Саша, подходя к своему углу после того, как рефери, отсчитав до десяти, сказал «Аут!» и остановил бой.

– Молодец! – похвалил его Артур. – Горжусь тобой.

К исходу того же дня команда сидела на железнодорожном, вокзале. До прибытия поезда еще оставалось время, и Соколов с Ковалевским решили сходить в станционный бу-

фет за лимонадом и пирожками.

Через несколько минут ребята появились в сопровождении милиционера.

«Что еще натворили?» – озабоченно подумал Артур.

– Здравия желаю! – козырнул старший лейтенант. – Добрый вечер... А вы, значит, их тренер? Ясно...

– Документы показать?

– Не надо, что вы! Это я так, проверить... Ориентировку перед дежурством получили: из колонии несовершеннолетних преступников двое сбежали. Я смотрю – уж больно ваши по приметам похожи... Подошел, а они мне – с соревнований едем. Тренер с нами... Ну, говорю, раз так, показывайте вашего тренера... Выходит, не соврали. Вы уж извините – работа...

– Ничего, – кивнул Артур. – Понимаем.

Старший лейтенант повернулся и пошел. Потом оглянулся.

– С соревнований, значит? По боксу?.. А чего же ни одного фингала нету?

– Как это, нету? – обиделся Ковалевский. – Серега, а ну покажи!

И развернул за плечи одного из парней, под глазом, у которого красовался огромный лиловый синяк.

– Ого! – весело воскликнул милиционер. – Это другое дело!

Глава 5

Вернувшись домой, Сибирцев узнал от жены, что они приглашены на свадьбу. Женщина, с которой Вика вместе работала на складе строительных материалов, выдавала замуж старшую дочь. Событие решено было отметить за городом, на даче у жениха.

Артур встретил новость без особой радости. В последнее время он потерял интерес к многолюдным застольям. Ссылаясь на то, что нет денег на подарки молодым, он попытался уговорить Вику отказаться от приглашения, но супруга осталась непреклонной.

В пятницу вечером за ними заехали на машине. По пути забрали из детского сада дочь, завезли к бабушке... Выехав на загородную трассу, покатали в сторону чернеющего вдалеке леса.

Через полчаса машина свернула с шоссе на проселочную дорогу, и вскоре впереди замигала огнями деревня. Места эти были Артуру знакомы.

Дача стояла на берегу озера. Они подрулили прямо к калитке. Хозяйка вышла встречать их в наброшенной на плечи дубленке.

– За ужином Сибирцев посетовал, что давно не рыбачил.
– Так сходи к Михалычу, – сказали ему. – Завтра с утра можете половить рыбу. Молодые все равно раньше двух не

приедут.

«А что, это мысль!» – загорелся Артур.

Михалыч жил по соседству. Сибирцев хорошо знал его. Во всей деревне не было более удачливого рыбака и охотника.

– О-о! Кто приехал! – обрадовался Михалыч, увидев входящего Артура, – на свадьбу, значит, прибыл?.. А я, вишь, валенками занялся... Надо, думаю, подшить.

Он отложил в сторону шило и дратву.

– Бабка, ну-ко дай чаю!

Из кухни выглянула Анна Тимофеевна, его жена. Близоруко прищурившись, внимательно посмотрела на гостя и, узнав, улыбнулась:

– Артур! Давно нас не навещал... Как живете-то?

– Нормально.

– И, слава Богу!.. Иван вот тоже пишет, что все у них хорошо. Ромка в этом году в школу пошел. Жена, Аля тоже учится, заочно... К лету, может, приедут...

Иван – младший сын Михалыча – жил сейчас в далеком южном городе. Когда-то они с Сибирцевым вместе работали на заводе. Пока Иван не уехал, часто навещались сюда, на охоту или рыбалку.

Михалычу недавно исполнилось шестьдесят, но выглядел он намного моложе. Был крепок телом, не курил, выпивал в меру. До сих пор оставался штатным охотником коопзверопромхоза. На жизнь зарабатывал лесным промыслом, ры-

балкой, сбором лекарственного сырья, заготовкой грибов и ягод.

– Как нынешний сезон? – спросил Артур, разглядывая распятую на стене большую медвежью шкуру.

– Удачно...

– Хорошо он сей год поохотился, – подтвердила Анна Тимофеевна, расставляя на столе чашки. – Медведя с лабаза убил, трех лосей, две рыси в капкан поймал, куниц несколько, да белок много сдал... От коопромхоза ему к юбилею грамоту дали и премию выписали... Ты пей чай-то, остынет... И пироги бери, свежие...

– Спасибо, – улыбнулся Артур, – я только что из-за стола.

– Ничего, ты молодой, тебе сил много надо.

Сибирцев послушно взял кусок румяного пирога с крупными янтарными ягодами морошки, отхлебнул душистого чаю.

– Михалыч, пошли завтра на рыбалку.

– На рыбалку? – хозяин поскреб узловатыми пальцами седой затылок. – Пошли... Хотя не сезон сейчас. Светает поздно, темнеет рано – вялая сейчас рыба, сонная. Вот месяца через два... Но – если хочешь, пойдем. Черви у меня в ведре, в подполье, с осени еще накопаны. Удочки я тебе дам. Амуницию тоже подыщем. Утром заходи – и пойдем... А то оставайся, ночуй у нас...

– Не могу... Нам с женой уже комнату выделили. Неудобно... – Тогда до завтра... Не просп.

С рассветом они были на озере. Тяжело ступая, шли по заснеженному льду. Вылизанный ветром наст с шорохом проседал под ногами.

Противоположный берег едва угадывался в синеватой дымке. Оттуда, с той стороны, медленно поднималось огромное красное солнце. И по мере того, как оно всходило, бледно-серое холодное небо наливалось яркой, сияющей голубизной.

Вот здесь давай попробуем, – сказал Михалыч, скидывая с плеч фанерный ящик. – Тут подводная гряда. На откосы окунь кормиться выходит.

Сибирцев крутанул ручку ледобура. Остро заточенные лезвия легко прошли сквозь плотный наст и с визгом впились в крепкий озерный лед. Над лункой возник холмик мелкого хрустального крошева.

Досверлив до конца, Артур выдернул ледобур и отдал Михалычу, а сам принялся черпать ледяные осколки. Потом достал короткую зимнюю удочку, насадил червя и опустил снасть в воду.

Долго ждать не пришлось. Чувствительный кивок вздрогнул и согнулся. Артур торопливо подсек, ощутив на том конце слабые толчки... На поверку это оказался мелкий прозрачный ерш. Растопырив все свои колючки, он отчаянно трепыхался на крючке.

Разочарованно вздохнув, Сибирцев вновь забросил

снасть. И опять клюнул ершик, величиной чуть больше спички.

«Надо менять место», – подумал Артур.

Он собрался и двинулся вперед. Звал с собой Михалыча, но тот решил пока остаться – вдруг да улыбнется удача?

В поисках рыбного места Сибирцев намотал по озеру несколько километров, просверлил десятка два лунок – и все без толку.

Обессиленный, он уже и не мечтал об улове. Просто сидел и смотрел на неподвижный кивок.

– ...у-ур!...ди-и...да-а! – донесся до него голос Михалыча.

Артур оглянулся на крик и среди ослепительно белеющего снега разглядел маленький черный силуэт. Михалыч призывно махал рукой.

Сибирцев поспешил на зов. Еще издали увидел у ног Михалыча больших, трепыхающихся на льду рыбин. Это были окуни: толстобрюхие, полосатые, с красными широкими хвостами и такими же яркими плавниками.

– Хватит бегать зря, – сказал Михалыч. – Садись рядом.

Артур быстро пробурил лунку и забросил удочку.

– Ты поманивай, поманивай помаленьку... Глядишь, какой-нибудь и схватит... – посоветовал ему напарник.

Сибирцев присмотрелся к его плавным, легким движениям и тоже стал поддергивать удилищем, то поднимая, то опуская руку, представляя, как там, на глубине, в такт его

движениям играет самодельная мормышка.

Внезапно он ощутил легкий быстрый удар. Словно кто-то щелкнул по кончику короткого удилища. Кивок согнулся, и Артур, потянув, почувствовал на крючке волнующую тяжесть. Стараясь не делать резких движений и в то же время, не давая рыбине слабины, он потихоньку начал выбирать леску. Крепкая японская жилка больно резала ладони.

Наконец в толще воды Сибирцев уловил характерный блеск чешуи. Подтянув добычу к поверхности, он схватил ее свободной рукой за жабры.

– Хоро-о-оший лапоть, – уважительно протянул Михалыч.

И тут же сам склонился над лункой, поднимая с пятиметровой глубины очередного полосатика.

Непослушными, подрагивающими от азарта пальцами Сибирцев торопливо наживил крючок и бросил в воду.

Следующая поклевка была столь же уверенной. И вскоре еще один полосатый разбойник зашлепал алым хвостом по льду.

Окунь брал жадно. Сердце Артура замирало от радости. Краем глаза он видел, что и Михалыч не отстаёт – машет руками, как ветряная мельница.

Но безудержный клев продолжался недолго. Закончился так же внезапно, как и начался.

Артур достал сигареты, закурил. Смачно затягиваясь горьким дымком, огляделся по сторонам.

На угоре темнели засыпанные снегом деревенские избы. Окна одной из них были крест-накрест забиты досками.

– А чего, Гришка Колонков уехал, что ли, куда? – спросил Сибирцев Михалыча.

– Уехал... На кладбище... Ты что, не слыхал?

– Нет.

– Этой осенью отправились они на охоту: он да еще двое наших мужиков. День отохотились, под вечер остановились на ночлег возле реки. Перед сном решили у костерка чаю попить. Ну, и не только чаю... Выпили, в общем, маленько... Сумерки уж опустились. Сидят они, болтают меж собой. Вдруг слышат: «Кря! Кря!» – вдоль реки утка летит. Ну летит и пусть себе летит... Ружья-то все в избушке... А Гришка, недолго думая, хватъ бутылку и – бац! – в утку метнул. И что ты думаешь? Попал! Тут из ружья десять раз промахнешься, а он – бутылкой! Утка – камнем в воду. Не успели мужики глазом моргнуть, как он следом за ней – бултых!.. Так и не вынырнул... Через несколько дней нашли, километра за два ниже по течению... Мужики говорят – это смерть его летела.

Они помолчали. Сибирцева новость потрясла. Он хорошо знал покойного. Это был приветливый, веселый человек. Любая работа спорилась в его ловких руках. Починить ли какой агрегат, сложить ли печь, выстроить ли дом – вся деревня шла к нему за помощью. Он никому не отказывал.

«Был человек – и нету... – вздохнув, подумал Артур. –

Как странно... За уткой нырял Гришка Колонков, а из реки потом достали нечто: отвратительного вида, дурно пахнущее, неподвижное... А где же тот белозубый, озорной весельчак? Куда делся? Интересный фокус...»

– Как думаешь, Михалыч, умирать больно?

– А кто его знает? Может больно, может, нет. Это только у покойников узнать можно. А они никогда не расскажут... Недавно родственницу жены схоронили. Ей уже за девятый десяток перевалило, а она до последнего дня за жизнь цеплялась. Уж с постели не встает и под себя ходит, а все еще пожить хочется... Так вот посмотришь – ну нет, до таких годов не дай Бог дожить! А с другой стороны, скажи мне: готовься, мол, завтра помирать – так тоже неохота...

– Самое печальное, что рано или поздно каждому придется проснуться в последний раз, – тихо сказал Сибирцев. – Как подумаешь – мурашки по коже.

Налетел ветер, взметнул снег со льда. По озеру заструилась легкая поземка. Солнце зашло за тучу. Стало холодно и неудобно. Рыбаки переглянулись и начали собираться.

– Много ли поймал? – поинтересовалась у Артура хозяйка.

– Все здесь, – сдержанно ответил Сибирцев, вываливая из полиэтиленового мешка улов в раковину.

Серая пушистая кошка, учуяв рыбный запах, с мяуканьем прибежала из комнаты.

– Хорошо, – похвалила хозяйка. – И крупные все какие...

– Мне Михалыч еще свою рыбу отдал. Говорит – гостям на закуску.

Вошла Вика, в длинном махровом халате. На голове – намотанное чалмой полотенце. Из-под него на лоб выбивалась мокрая темная прядь. Лицо ее было румяным.

Она приложила к щекам Артура горячие ладони.

– Замерз, рыбак?

– Чуть-чуть... – улыбнулся Сибирцев и поцеловал ее.

– Мы в баню сходили, – сказала Вика. – Ты тоже иди, помойся. Только недолго. Скоро уже молодые приедут.

Баня стояла тут же, во дворе. Маленькая, с низким потолком и крохотными мутными окнами.

Входя, Артур больно ударился головой о косяк. Чертыхаясь, оставил в предбаннике одежду, полотенце и полез на полки.

Раскаленные камни дышали жарой. Плеснув на них воды, Сибирцев с наслаждением принялся хлестать себя березовым веником. Горячий воздух обжигал тело и ласкал душу. После нескольких часов на ветру и морозе лучшего и желать было нельзя.

Попарившись, Артур спустился с полки и, опрокинув на себя таз с прохладной водой, вышел в предбанник. Здесь было не так жарко. Он присел на широкую деревянную скамью, откинулся к стене. Приятная истома разлилась по телу.

«Сейчас бы за свадебный стол, водочки выпить, закусить

чем-нибудь этаким...» – расслабленно подумал Сибирцев.

Ему вдруг вспомнилась собственная свадьба. Суэта, хлопоты, приготовления... Тягостные минуты торжества, ритуальные поцелуи под крики «Горько!», оживленные лица гостей, усталые глаза родителей... Когда все осталось позади, Артур почувствовал себя счастливым. И это ощущение, абсолютного счастья долго не покидало его... Просыпаясь утром, они с Викторией не спешили вставать. Лежали, обнявшись, рассказывали друг другу сны, целовались... Если не надо было идти на работу, отправлялись гулять или к кому-нибудь в гости... В ненастные дни они вообще не выходили из дома. Сутками валялись в кровати и совсем не скучали вдвоем... Потом Вика забеременела. Появления ребенка ждали с благоговением. Закупали пеленки, распашонки, думали, как назвать, гадали, кто будет – мальчик или девочка? С рождением дочери беззаботная жизнь закончилась. Артур самоотверженно помогал супруге, чем только мог: стирал, мыл полы и посуду, ходил по магазинам, ночи напролет просиживал возле детской кроватки... Это был нелегкий период. Но когда он закончился, что-то ушло из их отношений. Первым заметил это Артур и очень обеспокоился. Чувствуя, что Вика с каждым днем все больше и больше отдаляется, он пытался вызвать ее на откровенный разговор, но жена каждый раз этого избегала. «Будь проще, – говорила Вика. – зачем все усложнять?». Холодом веяло от ее слов... Артур страдал оттого, что не мог ничего изменить. Может, он что-

то делал не так, в чем-то был не прав? Может, надо было вести себя как-то иначе? Никогда раньше Артур не задумывался над этим. Он просто любил...

Молодых встречали хлебом-солью. Мать жениха внесла свежий, только что испеченный каравай.

– Посмотрим, кто будет в доме хозяин?

Народ, толпившийся во дворе, оживленно загудел. Невеста жеманно протянула ручку в белой перчатке, намереваясь отщипнуть кусочек. Тотчас раздались протестующие крики:

– Так не пойдет!.. Зубками, зубками!

Придерживая фату, девушка нагнулась и откусила от каравая. Окружающие оценили ее скромность.

Жених действовал решительнее. Он уверенно вцепился в податливо хрустнувший золотисто-коричневый край и, встряхнув головой, вырвал большой кусок.

Со всех сторон послышалось одобрительное:

– Вот это по-нашему! По-мужски!

– Молодец, парень, дело знает!

– У него, жена вот где будет!..

Молодые отправились в дом. Из толпы в них горстями бросали жито. Так принято, чтобы жизнь удалась. Казалось, что они идут под желтым дождем.

Столбы были накрыты. Гости принялись шумно рассаживаться. Раскрасневшийся, видимо, от мороза, тамада произнес первый тост...

Артур и Вика заняли места возле окна, неподалеку от жениха с невестой. Рядом с ними оказался майор-танкист – родственник хозяйки дома. Он был в форме и при всех регалиях.

«Свадебный генерал», – усмехнулся про себя Сибирцев.

Его не радовало это соседство. Майор сидел рядом с Викой... Еще раньше Артур заметил, как он постреливал глазами в ее сторону. И то, что сейчас офицер оказался рядом с его женой, вызывало неприятное чувство. Но куда денешься? Не меняться же местами!

Поначалу гости вели себя скромно. Пили только под руководством тамады. Однако постепенно оживились, заговорили громче, начали наливать самостоятельно.

– Горь-ко! Горь-ко! – все настойчивее скандировали они. Молодые вставали и покорно целовались.

Потом один из гостей, забравшись под стол, снял с ноги у невесты туфлю и стал требовать, чтобы ее наполнили водкой. От него откупились бутылкой коньяка. Довольный, он тут же отпил из горлышка половину и был препровожден в комнату отдыха.

Рыжий парень в клетчатых штанах уверенно растянул потертые меха старенькой гармошки, легко пробежался пальцами по ладам и запел высоким, но сильным голосом протяжную русскую песню. Его поддержали... И вот уже целый хор выводил нечто душевное.

Вика оживленно болтала с военным. Можно было поду-

мать, что не Сибирцев, а он приходится ей мужем.

Артур молча ковырял вилкой салат. Ни есть, ни пить не хотелось.

– Ты чего такой? – наконец обратила она на него внимание.

– Какой?

– Сидишь, как бедный родственник... Чем недоволен?

Артур промолчал... Не хватало еще устроить здесь скандал. Людей смешить.

«Неужели она не понимает, что ведет себя неприлично? – раздраженно подумал Сибирцев, – Если пришла с мужем, то и держи себя соответственно».

Но Вику меньше всего волновали переживания супруга. Она обладала поразительной способностью никогда не чувствовать себя виноватой.

В одной из комнат молодежь организовала танцы. Оттуда доносилась громкая музыка.

– Разрешите пригласить вашу даму? – вежливо поинтересовался майор.

– Если она не против... – кивнул Сибирцев.

Вика не возражала. Они выбрались из-за стола, и пошли туда, где в тесноте и полумраке медленно кружились пары.

Артур проводил их долгим взглядом. На душе было мутно. Из последних сил он пытался сохранить невозмутимость... Ужасно, когда женщина отдает предпочтение другому. Особенно, когда делает это публично. И, к тому же,

если эта женщина — твоя жена.

Сибирцев налил себе водки. Только сейчас он заметил, что большинство гостей уже изрядно навеселе. Оставаться трезвым в такой компании было просто невозможно. Уйти? Но идти некуда. Одним словом, выбирать не приходилось... Артур выпил, наспех закусил остывшей картошкой с мясом. Стало как будто легче. Он достал сигареты и вышел в коридор покурить.

Возвращаясь назад, Сибирцев заглянул в комнату, где танцевали разомлевшие от обильной выпивки гости. Среди них, плавно покачиваясь в такт музыке, кружились Вика и офицер. Он что-то шептал ей на ухо, а она, задорно смеясь, откидывала назад голову и встряхивала распущенными волосами.

Артур содрогнулся от ревности.

Он сел за стол, взял большой фужер с остатками клюквенного морса, наполнил его доверху водкой и разом выпил.

Долго сидел неподвижно, погружаясь в хмельную трясину. Ноги стали тяжелыми, в уши словно ваты набили. Как в тумане поплыли перед ним чьи-то лица.

— Эй, ты когда успел набраться? — услышал Артур удивленный голос жены.

— В каком... смысле? — с трудом ворочая языком, произнес он.

Крепкие руки помогли Сибирцеву подняться... Потом его куда-то повели... Идти было трудно. Пол качался и уходил

из-под ног.

Не раздеваясь, он упал на кровать. Кто-то помог ему снять ботинки и сунул под голову подушку.

...Артур проснулся от тошноты. Открыв глаза, он не сразу понял, где находится. Жены рядом не было... Сердце тревожно заколотилось. Он сел на кровати и тут же почувствовал, как пол поднимается, а стены и потолок начинают стремительно вращаться.

Сделав над собой усилие, он встал и пошел к выходу. «На воздух!.. На воздух!» – билось в голове.

Распахнув дверь в сени, Артур увидел обнявшихся – мужчину и женщину. Они целовались... В тусклом свете блистали золотые погоны майора. Женщину он тоже узнал. Это была Вика.

Глава 6

Хороший друг не обязательно тот, кто всегда рядом. Иногда он может надолго исчезать из твоей жизни. Но если понадобится, ты знаешь – он обязательно выручит: даст денег в займы, поможет перевезти старый диван на дачу или просто, молча, побудет рядом, когда тебе плохо.

Таким другом был для Артура Виктор Паромов. Они вместе учились в школе, занимались боксом, ездили на соревнования. Потом Виктор поступил в университет, на факультет журналистики, успешно закончил его и, получив диплом,

стал работать корреспондентом в городской газете.

Артур позвонил ему.

– Слушай, пошли сегодня в кабак.

– Что за повод? – удивился Виктор. – Выиграл в «Спортлото»? Или заслуженного присвоили?

– Ты идешь или не идешь?

– Вообще-то мы с женой сегодня в гости собирались...

Ладно, приезжай, обсудим эту тему...

Паромов встретил Артура радостной улыбкой. Он только что закончил писать статью и пребывал в прекрасном настроении.

– Чайку сообразить?.. Или кофе?

– Не хочу ничего.

Сибирцев прошел в комнату. На письменном столе стояла печатная машинка, а вокруг нее и на полу валялись смятые, скомканные листы.

– Что за бардак? – строго спросил Артур.

– Это не бардак, а творческий беспорядок, – парировал Виктор, сгребая мусор в корзину.

На диване Сибирцев увидел раскрытую книгу. Поднял ее, машинально пролистнул несколько страниц.

– Все классику штудируешь?

Потом глянул на обложку и рассмеялся... На твердом черном глянце золотом было тиснуто: «Чиполлино».

– Я и не знал, что у тебя такой изысканный вкус.

– Это сын, Колька... Разбрасывает, где попало...

– Ладно, не оправдывайся. С тобой все ясно... Скажи лучше, в ресторан идешь?

– Придется жене соврать, что получил срочное задание...

Ресторан «Полярная звезда» призывно сиял разноцветными огнями. Друзья вошли в полутемный холл, сдали в гардероб верхнюю одежду и поднялись по широкой лестнице на второй этаж.

Вечер еще только начался, поэтому народу в зале было немного. Они сели за свободный столик.

Рядом в одиночестве скучал полный мужчина средних лет. На нем были строгий черный костюм, белая рубашка и яркий галстук в красно-синюю полоску. Судя по всему, он чувствовал себя неуютно: то и дело вытирал белоснежным платком пот со лба, поправлял без нужды очки, беспокойно оглядывался по сторонам.

Чуть дальше сидели две молодые женщины. Непритязательные «химические» прически и избыток грима на лицах делали их похожими друг на друга.

Еще дальше расположилась шумная компания. Пятеро коротко стриженных парней отмечали какое-то событие. Их раскатистый смех и громкие выкрики разносились по всему залу.

Артур открыл меню, равнодушно пробежал глазами по строчкам. Цены совершенно не тревожили его. Даже, наоборот – чем дороже, тем лучше. Ведь он затем и пришел, чтобы

оставить здесь все, что имел.

За успешное выступление команды на последних соревнованиях Сибирцев получил от областного спорткомитета премию. Призовое место оценили по достоинству. Артур был рад. Он давно хотел сделать жене какой-нибудь подарок, но все не получалось – не хватало денег. А тут, на тебе, прямо с неба свалились! Он уже высмотрел ей замечательную золотую цепочку с маленьким изящным кулончиком. Но купить так и не успел... А теперь, после того, что произошло, об этом не могло, быть и речи... Часть денег он потратил на дочь, остальные решил прогулять. Все, до последнего рубля.

Виктор видел, что с другом происходит что-то неладное, но ни о чем его не спрашивал. И Артур был ему благодарен. Невыносимо, когда к тебе лезут в душу. Даже из лучших побуждений.

Подошел официант, одетый, как судья в ринге. Внимательно выслушал Сибирцева, почиркал карандашом в блокноте – и через несколько минут на столике появились холодные закуски и водка в запотевшем графинчике.

– Горячее, когда подавать?..

– Мы не торопимся, – ответил Артур, разливая водку по рюмкам.

Они выпили.

– Знаешь, кого я видел на днях? – спросил Виктор.

– Кого?

– Быкова... Он сейчас в областной администрации рабо-

тает, курирует торговлю. С импортом что-то связано... Он говорил, как должность называется, но я не запомнил. Местечко, надо полагать, тепленькое... Деловой такой стал, ты что! Шикарная иномарка, кожаное пальто, пальцы веером...

– Взятки, наверное, берет.

– Кто его знает?.. Не пойман – не вор. Умеют люди жить, не то, что мы... Что мы можем? Морду кому-нибудь набить или статью написать?

– Это не так уж и мало.

– Но и не слишком много... Тебе вот твоя работа нравится?

– Не задумывался...

– Когда-нибудь задуматься придется. Или так до старости и будешь с пацанами возиться?.. Учиться тебе надо. Поступай, пока не поздно, в институт или университет. Можно заочно... Ты же в школе на хорошем счету был. Учителя тебя всегда хвалили. Сочинения, помню, вслух перед классом читали...

– Мне уже двадцать семь, я многое успел забыть.

Они налили по второй и снова выпили. Народ между тем прибывал.

– Обрати внимание... – тихо сказал Виктор, указывая глазами на женщину в пестром платье, быстро идущую по проходу между столиками. – Шагает, будто отставной прапорщик... Заметь, ничто так не выдает суть женщины, как походка. Здесь она вся на виду. Достаточно мимолетного взгля-

да, чтобы определить ее природу... Конечно, я не имею в виду уровень интеллекта или характер. Тут легко ошибиться. Но вот насколько она сексуальна, могу сказать с точностью до девяноста девяти процентов.

– Ну и каков темперамент у этой?

– Холодна, как лед в Антарктиде.

– Неужели?.. Откуда у тебя такие познания?

– Жизненный опыт...

Заиграла музыка. Паромов огляделся по сторонам.

– Да-а... Выбор сегодня небогат. Вот разве что эта парочка. Пойдем, пригласим? Ты черненькую, а я беленькую, или наоборот... Тебе какая больше нравится?

– Все равно, – пожал плечами Артур.

– Тогда я беру блондинку... Как мило они беседуют. Сейчас мы прервем этот затянувшийся диалог.

– Интересно, о чем у них разговор?

– О мужиках, конечно, о чем же еще!

– Хотелось бы хоть раз послушать, что женщины о нас между собой говорят.

– Чего тут слушать? Я и так знаю... Красивые и стройные рассуждают примерно так: «Ах, эти мужчины! Они такие привязчивые, такие ранимые и доверчивые. Ну, прямо как дети...» Некрасивые, но стройные: «Мужики?.. Да у них одно на уме! Кобели несчастные!» Некрасивые и нестройные – «Мужчины... Эти дегенераты и импотенты? Покажите хоть одного настоящего!»

– Смешно... Беда только в том, что все мы когда-нибудь станем некрасивыми и нестройными.

– Ты прав, это неизбежно... Боишься старости?

– Не знаю, – вздохнул Артур. – До нее еще надо дожить.

– А я боюсь. С содроганием думаю: неужели наступит день, когда девушки и молодые женщины будут смотреть на тебя с равнодушием, или того хуже – с презрительной гримасой... У меня есть приятель. Сколько его знаю, он всегда встречался только с женщинами намного старше... Ему легче... По статистике, на одного дееспособного шестидесятилетнего мужчину приходится как минимум три женщины его возраста. Под старость он вполне сможет завести целый гарем... А мне что делать? Ведь я люблю только молодых и красивых.

– Извращенец...

– Тебе все шуточки, а я серьезно... Представь, понравится мне лет в шестьдесят молодая женщина. Как тогда быть? Попробуй, начни открыто ухаживать! В лучшем случае прослывешь чудачком. Общественное мнение такие вещи не приветствует... Но, главное, понравятся ли твои ухаживания самой женщине? «Смешон, охваченный страстью старик», – так, кажется, говаривал классик?

– В шестьдесят лет вряд ли ты будешь считать себя стариком, – сказал Артур. – И потом... Все относительно. Мы меняемся, и мир вокруг нас меняется вместе с нами. Ничего не стоит на месте, все в непрерывном движении... На ка-

ком-то временном отрезке мы воспринимаем окружающую действительность так, а на другом – совершенно иначе... Я, например, хорошо помню, что все воспитательницы в детском саду казались мне одинаково толстыми, неуклюжими и совершенно непривлекательными. А сейчас я смотрю на фотографию другими глазами и вижу – это же совсем молодые девчонки, все симпатичные и фигуристые.

– Ты хочешь сказать, что когда я доживу до шестидесяти лет, моим идеалом станет увядающая женщина?

– Я говорю об относительности... А что может быть относительнее женской красоты? Про одну и ту же женщину несколько мужчин могут сказать: «Симпатичная», – «Так себе», – «Что-то в ней есть», – «Ничего хорошего», – «Она божественно прекрасна!» Кто из них прав?

– Тот и прав, у кого больше прав... – усмехнулся Виктор. – Ладно, кончай трепаться. Наливай, и пошли девушек приглашать. Пока их не увели...

Женщины оказались двоюродными сестрами. Артур танцевал с брюнеткой. Она непринужденно болтала, все время улыбалась и кокетничала. Сибирцев узнал, что у нее есть муж и ребенок, но сейчас они уехали к родственникам погостить, и она, загрустив в одиночестве, решила пойти с сестрой куда-нибудь поразвлечься.

Танцуя, она тесно прижималась к нему, и Артур телом ощущал, как твердеют под платьем ее маленькие упругие груди. Вторую неделю он спал отдельно от жены, поэто-

му внезапная близость незнакомой женщины повергла его в трепет. Во всем ее облике виделось что-то таинственное, ма-нящее...

Танец закончился. Сибирцев проводил женщину и вернулся на место. Паромов уже сидел за столиком.

– Кошмар! – сказал он, покачивая головой.

– Что такое? – удивился Артур.

– Представь себе, ее зовут Оля...

– Ну и что? Имя как имя. Не Горгона же!..

– Это наваждение... Уже два года я знакомлюсь с девушками и всякий раз это либо Оля, либо Марина. Ты понимаешь?... Оля, Марина, Оля, Марина, Оля, Марина... Словно во всем городе нет женщин с другими именами. Причем никогда не бывает так, чтобы подряд две Оли или две Марины. Только строго по очереди! Мистика какая-то... Скоро вместо того, чтобы спрашивать имя, можно будет предлагать пари: «Хотите, угадаю, как вас зовут?..»

– Не отчаивайся, найдем тебе какую-нибудь Клаву.

– Ну, а ты-то как, познакомился?

– Конечно.

– Поинтересовался планами на вечер?

– Еще не успел...

– А чего тянуть? Давай, договаривайся, берем шампанского, ловим такси и едем к моему знакомому на квартиру. Его сейчас дома нет. Вот ключи.

Виктор потряс звенящей связкой.

– Прямо сейчас? Я даже не знаю... – замялся Артур.

– Ты чего? – приподнял брови Виктор. – Ни разу жене, что ли, не изменял?

– Нет.

Они замолчали. Возникла неловкая пауза.

– Подожди, я сейчас, – сказал Виктор. Он подошел к музыкантам, о чем-то с ними поговорил и вернулся за столик.

– Сюрприз для тебя... – многозначительно произнес он.

Зазвучала музыка. Мелодия была Артуру знакома. С этой песней он отмечал свое восемнадцатилетие.

Призрачно все, в этом мире бушующем,
Есть только миг, за него и держись.
Есть только миг, между прошлым и будущим,
И именно он называется жизнь.
Вечный покой, сердце вряд ли обрадует,
Вечный покой, для седых пирамид.
А для звезды, что сорвалась и падает,
Есть только миг, ослепительный миг.

Давно ли вот так же сидел он в ресторане, в окружении близких друзей, и слушал эту песню? Ее заказывали в тот вечер неоднократно. И всякий раз объявлялось, что исполняется она в честь именинника – Артура Сибирцева... «Где-то вы сейчас, друзья-товарищи, – подумал он. – Один убит ножом в горло в пьяной драке, другой – в тюрьме, третий – спился, четвертый после автокатастрофы прикован к по-

стели... Всех разбросало, будто ураган прошел... А ведь, в сущности, – обычная жизнь».

Пусть этот мир вдаль летит сквозь столетия,
Но не всегда по дороге мне с ним.
Чем дорожу, чем рискую на свете я,
Мигом одним, только мигом одним.

Артур вздохнул... Полузабытая музыка рождала печаль. Но печаль эта совсем не походила на ту безысходную тоску, что терзала его душу в последнее время.

– Спасибо, – сказал он. – Как ты вспомнил?

– Не знаю, – улыбнулся Виктор. – Сентиментальным, наверное, становлюсь.

А в зале той порой продолжалось веселье. Публика выпивала и закусывала. На пяточке, свободном от столиков, медленно кружились пары.

Мужчина в черном костюме уже не страдал от одиночества. Рядом с ним сидели три миловидные женщины. Он ухаживал за всеми одновременно и, судя по всему, теперь уже мучился от того, что не знал, кому отдать предпочтение.

Двоюродные сестры томно поглядывали на Виктора с Артуром, ожидая, когда их снова пригласят на танец.

Пятеро молодых парней вели себя все более раскованно. Всем своим видом хотели показать, что круче их здесь никого быть не может... Сначала они намеренно обрызгали шампанским проходивших мимо девушек, потом нахамили по-

жилой паре и, наконец, придумали себе увлекательное занятие – попадание огрызком яблока в тарелку! Не свою, естественно... Чем дальше располагался столик, тем оживленней приветствовалось попадание.

Артуру это не понравилось. Меньше всего ему хотелось сейчас ввязываться в какую-нибудь историю. Но не успел он подумать об этом, как в его тарелку шлепнулось надкусанное яблоко. Брызги соуса оросили лицо и рубашку. Послышались восторженные вопли подгулявшей компании.

Не зная, как отреагировать на эту выходку, Сибирцев растерянно посмотрел в их сторону. Увидев его пятнистое лицо, те заржали еще сильнее.

– Чего уставился? – оскалился бритый крепыш.

Артур ощутил, как у него задрожали колени. От ответа зависело дальнейшее развитие событий. Если промолчать, может, все на этом и закончится...

– Вы чего, совсем, что ли?.. – пробормотал он неуверенно.

– Что?

Бритоголовый поднялся и быстрым шагом приблизился к их столу. Артур встал, вытирая салфеткой лицо.

Не церемонясь, крепыш схватил его за отвороты пиджака и, притянув к себе, прошипел:

– Запомни, конь фанерный, если ты произнесешь еще хоть слово...

Договорить он не успел. Артур взорвался, как осколочная граната. Толкнув противника левой ладонью в грудь, он тут

же молниеносно ударил справа... Все унижения, боль и отчаяние последних дней вложил он в этот удар. Бритоголовый отлетел к соседнему столику, опрокинув его.

Женский визг резанул по ушам.

– Берегись! – крикнул Виктор.

Артур среагировал мгновенно и вовремя увернулся от летящего кресла.

Возле столика оказался детина огромного роста. Раскинув лопатообразные руки, он бросился на Виктора. Тот встретил его ударом в челюсть... Качнувшись, как «неваляшка», здоровяк все же сгреб Паромова в охапку.

Артур метнулся на выручку. Он пнул верзилу в бедро и, когда тот повернулся к нему, дважды, слева и справа, ударил в голову.

Виктор выскользнул из медвежьих объятий и, изловчившись, что есть силы, саданул недруга кулаком в шею, чуть ниже подбородка... Захрипев, детина рухнул грудью на стол.

– Справа! – крикнул Артур, заметив внезапно возникших парней.

Один из них с ходу атаковал Виктора, двое других навалились на Сибирцева.

Судя по всему, у ребят была неплохая подготовка. Действовали они грамотно и без суеты. Артур пропустил несколько довольно чувствительных ударов... Но моральный перевес был не на их стороне.

В зале царили хаос и паника. Переворачивались столы,

звенела разбитая посуда, женщины с визгом разбегались по сторонам.

Полный мужчина в черном костюме, доселе неподвижно наблюдавший за потасовкой, решил, что пора вмешаться. Он встал, неторопливо застегнул на все пуговицы пиджак, поправил полосатый галстук, взял со стола графин, ухватился поудобней за горлышко и уверенно шагнул к дерущимся.

На его пути встала официантка.

– Что вы! – воскликнула она. – У нас графинами не дерутся!

– Да? – удивился мужчина. – Ну ладно...

И вернулся за свой столик. А драка, между тем, закончилась сама собой.

– Кажется, пора уходить, – сказал Виктор, перешагивая через распростертое на полу тело.

– Пора!.. – согласно кивнул Сибирцев.

Поймав за рукав испуганного официанта, Артур сунул ему в карман несколько смятых купюр. Друзья устремились к выходу.

– Ты что, заплатил за весь этот разбой? – спросил Виктор.

– Только за то, что съели и выпили... За остальное, заплатят те, кого соберет с поля боя наша доблестная милиция.

– Ты, я смотрю, не потерял квалификации.

– Ты тоже...

Они спустились по лестнице, взяли в гардеробе верхнюю одежду, торопливо накинули пальто на плечи и вышли на

улицу.

Заметив, что у Артура сильно кровоточит рука, Виктор протянул ему носовой платок.

– Посчитал ты лысому зубки... Сейчас ему трудно будет свистеть.

– Зато легко плеваться...

Они свернули за угол. Мимо, с воем сирены, промчалась милицейская машина.

Глава 7

Зимний ветреный вечер. В комнату проникают сумерки. Они искажают пространство, скрадывают очертания предметов, делая их похожими на загадочных живых существ.

Сибирцев не включает свет. Он дома один. Жена и дочь ушли в гости... С Викой он так и не помирился. Хотя с той злополучной свадьбы прошло уже около месяца.

Артур бесцельно бродит по комнате. Как зверь в клетке: восемь шагов вперед, восемь – назад; и снова – вперед, назад...

Наконец, утомившись, он останавливается перед окном, смотрит в темноту. На улице метель. Снежные вихри белыми джиннами носятся над землей.

«Опять снег, – думает Артур. – Эта зима никогда не кончится».

Он достает сигарету, щелкает зажигалкой. Мотыльком

пляшет, отражаясь на стекле, яркое пламя. Курить уже не хочется, но Сибирцев машинально затягивается табачным дымом. Горько во рту, еще горше – на душе.

Рушится мир... Все, что казалось незыблемым и прочным, превращается в жалкие обломки.

«Почему? За что?» – безмолвно вопрошает он и не находит ответа.

Горло перехватывает от отчаяния и обиды.

– «Я прощу, но любовь – не простит, птицей вольною улетит...» – шепчет Артур невесть откуда возникшие строки, и уличные фонари желтыми пятнами расплываются у него перед глазами.

Часть 2

Глава 1

Сибирцева разбудило солнце. Открыв глаза, он потянулся и сел на постели.

За окном голубело чистое весеннее небо. Слабый ветерок из раскрытой форточки чуть шевелил незадернутые шторы.

Из кухни доносились дразнящие аппетитные запахи, слышалось шкворчание масла на сковороде... Вика готовила завтрак.

Артур побрился, принял душ и, одевшись, вышел к столу.

– Доброе утро, – сказал он, чмокнув жену в щеку.

Вика приветливо улыбнулась.

– Есть будешь?

– Давай.

На кухню заглянула Аленка.

– Папа, ты мою тетрадь по истории не видел?

– Нет... У мамы спроси, может, она знает?

– Вечно у вас так, – недовольно проворчала Вика. – То одно, то другое... Кладите на место, тогда и искать не придется... Садись за стол, растеряха, а то в школу опять опоздаешь.

После завтрака Артур повязал галстук, надел пиджак и,

смахнув губкой для обуви, пыль с полуботинок, снял с вешалки светлый плащ.

– Когда ждать тебя? – спросила из кухни Вика.

– Как обычно.

Сибирцев вышел на улицу. Теплый ветер взъерошил ему волосы. Он пригладил их ладонью и жадно вдохнул запахи солнца, нагретой земли, первой зелени.

Артур любил это время. Когда уже не весна, но еще и не лето. Когда все впереди... Он неторопливо шел по скверу. Деревья были окутаны зеленой полупрозрачной дымкой. Среди клейкой молодой листвы сновали бойкие пичуги, оглашая окрестности звонким щебетаньем, теньканьем, свистом.

Он вышел к дороге и пошел вдоль нее по тротуару.

Рядом притормозили синие «Жигули».

– Артур!

Сибирцев глянул на приветливо махавшего водителя.

– Иван?! Каким ветром?

– Приехал родителей навестить... Садись, подвезу.

Он гостеприимно распахнул дверцу. Артур пожал ему руку и сел рядом.

– Отец говорит, ты у них бываешь?

– Да, иногда Михалыч берет с собой на охоту или рыбалку.

– Закуривай, – Иван протянул ему яркую пачку.

– Спасибо... Я уже шесть лет не курю.

– Как это тебе удастся? Я уже три раза бросал! Сила во-

ли, наверное, слабая... Ну, что новенького у тебя? Говорят, учишься где-то?

– В литературном институте, заочно... Еще год остался.

– Писателем, значит, будешь?

– Вроде того...

– А где работаешь?

– Пока там же.

– Все обалдуев драться учишь? Ясно... Деньги-то хоть платят?

– А-а!.. – Артур вяло махнул рукой.

– Выглядишь, вроде, неплохо, одет прилично...

– Это скорее вопреки, а не благодаря нашей зарплате.

– Ничего, окончишь институт, напишешь пару романов и сразу станешь богатым.

– На романах не разбогатеешь...

– Тогда нафига тебе это нужно? Поступал бы лучше в финансово-экономический... Или бизнесом бы занялся.

– Не могу, – Артур пожал плечами. – Не лежит душа...

– Наверное, ты прав. Каждый в этой жизни предназначен для чего-то своего... Вот, как машины: гоночный автомобиль – для одного, грузовой – для другого, автобус – для третьего... Я уже давно за баранкой и, знаешь, стал замечать, что у каждого автомобиля свой характер. И даже больше – своя судьба... Никогда не куплю машину, побывавшую в аварии. Плохая примета... Чего далеко ходить, у нас на автопредприятии, где я работаю, один купил задешево раз-

битую «волгу». Бывший хозяин по-пьянке на встречную полосу вылетел... Мужики парню сразу сказали – не бери! Не послушал. Отремонтировал, стал ездить... Однажды поехал с другом за город. Погода была хорошая, и видимость прекрасная. Но в поворот не вписался... Оба погибли...

– Мрачные истории ты, Ваня, рассказываешь. Хочешь, в продолжение автомобильной темы что-нибудь повеселее?

– Валяй.

– У меня приятель в автоинспекции работает. Это с его слов... Короче, жил-был один подполковник, и была у него машина. Он эту машину так лелеял и любил, что даже дышать на нее боялся, не то, что ездить. Только по большим праздникам мог позволить себе прокатиться до ближайшего магазина. А так, обычно, предпочитал пользоваться городским транспортом... И вот приходит он однажды к гаражу, а машины нет – угнали!.. В отчаянии он рвет на себе волосы, рыдает как скрипка. Вся милиция города брошена на поиски оранжевого «москвича»... И что ты думаешь? Нашли! Звонят ему – приезжайте... Он приезжает. И тут выясняется, что никакого угона не было.

– Как не было?

– А так... Оказывается, в один прекрасный день ему пришло в голову поехать на работу на своей собственной машине. Вечером он привычно вышел из дверей училища, где преподавал, увидел автобус, на котором всегда ездил домой, бросился к остановке и, довольный, уехал...

– И что, так и не вспомнил о машине?

– Несколько дней он вообще не заглядывал в гараж. А потом, когда открыл дверь и не увидел автомобиля, с ним, наверное, шок случился на нервной почве.

– Бывают в жизни чудеса... Вот, кстати, и твой Дворец Спорта... Надеюсь, еще увидимся?

– Обязательно!

Закончив утреннюю тренировку, Артур отправился в медицинский кабинет. Ему надо было согласовать время проведения медосмотра для участников предстоящего городского турнира.

Медсестра Оля перебирала в шкафу коробки с лекарствами. Рядом с ней стояла стройная блондинка в длинном облегающем платье.

– Знакомься, – сказала Оля, не отрываясь от работы. — Это Даша Осокина, моя подруга.

– Артур, – представился он.

Женщина протянула руку. Сибирцев бережно пожал прохладную ладонь. Рука у нее была гладкая, ухоженная: перламутровые ноготки матово блестели; тонкие изящные пальцы украшали золотой перстенок с маленьким зеленым камешком и узкое рифленое обручальное колечко.

– Это вы боксер? – улыбнулась Даша.

– Я

– Мой папа вас знает.

– Правда? Откуда?

– Вы с ним вместе работали... На заводе.

– Как фамилия?

– Чайка... Валентин Тимофеевич.

– Надо же! Я и не думал, что у него такая красивая дочь.

Даша смутилась и опустила глаза.

Зазвонил телефон. Оля сняла трубку.

– Да!.. Так... Понятно... – она нажала на рычаг. – Начальница вызывает. Скоро вернусь... Не скучайте тут без меня.

Они остались вдвоем. Даша присела за стол, Артур – напротив и чуть сбоку.

– К подруге, небось, за дефицитными лекарствами пришли?

– А вот и не угадали... На день рождения пригласить...

– На чей?

– На мой.

– Сколько же вам исполняется? – спросил Артур и тут же осекся, почувствовав, что допустил бестактность – у женщин ведь об этом не спрашивают.

Даша снисходительно рассмеялась.

– Ничего, ничего... Я возраст не скрываю. Мне будет двадцать пять.

– Гостей, наверное, полный дом соберется?

– Нет, я не люблю шумных застолий. Будут только мой муж, родители и Оля с супругом.

– Желаю хорошо погулять... Только чтобы назавтра голо-

ва не болела.

– Это мне не грозит, я не пью.

– Совсем?

– Почти... Разве что бокал шампанского.

– И уж, конечно, не курите...

– Даже не пробовала ни разу.

– А как насчет развлечений?

– Дом и работа – вот два места, где я в основном бываю.

Вообще, я человек домашний... Люблю уют и тишину. Сажу вечерами в кресле, читаю. Иногда шью что-нибудь или вяжу.

– Вы просто ангел, Даша.

– Ничего особенного... Обычная жизнь замужней женщины.

Дворец Спорта они покинули вместе. Спустившись по широким гранитным ступеням, медленно пошли рядом.

Артуру нравилось общаться с этой молодой симпатичной женщиной. От нее исходили какое-то особенное тепло и спокойствие. Выглядела она очень естественно, благодаря тому, что не злоупотребляла косметикой. Только ресницы да полные сочные губы были слегка подкрашены.

Налетевший ветер бросил светлые пряди на лицо. Поправив прическу, Даша подняла на макушку солнцезащитные очки, отчего в облике ее появилось что-то озорное, девчачье.

– Прекрасный сегодня день, – прищутив синие глаза, сказала она. – А вы, Артур, любите весну?

– Конечно... В такие дни забываешь все невзгоды. Каждое утро просыпаешься, словно вот-вот что-то должно произойти...

– Да, это время вселяет надежду. Хочется жить...

– И, тем не менее – вот парадокс: именно весной больше всего самоубийств. Очевидно, на фоне всеобщей радости собственные неурядицы воспринимаются острее.

– Как же должно быть плохо человеку, чтобы он решился на такое. И главное – из-за чего?

Специалисты посчитали: в основном – из-за любви... Когда я учился в седьмом классе, у нас в школе произошла прямо шекспировская трагедия. В духе «Ромео и Джульетты»... Четырнадцатилетняя девушка и шестнадцатилетний юноша полюбили друг друга. Если, конечно, этим критерием можно определить отношения двух незрелых школьников... Их все время видели рядом, всегда вместе. Многие, я знаю, завидовали им. Девочка была красавицей. Несмотря на то, что носила косички и форменное школьное платье, выглядела старше своих лет. Училась старательно и прилежно. Юноша тоже обладал яркой внешностью, имел спортивный разряд. Учился, правда, похуже, зато писал стихи и прекрасно рисовал... Почти год длился их школьный роман. Постепенно окружающие привыкли и относились к этому совершенно спокойно... Но однажды в школе появились люди в белых халатах. Началось плановое медицинское обследование учащихся – обычное, в общем-то, дело. Такие

медосмотры проводятся периодически... Вот тут и грянул гром! Оказалось, что девочка уже на пятом месяце беременности. Срочно вызвали в школу родителей. Когда папа узнал об этом, упал в обморок прямо в кабинете директора... Молодых разлучили. Девушка больше не появлялась в школе. Юноша очень страдал. Целыми днями пропадал возле ее дома, надеясь увидеть ее хотя бы в окно. Пару раз пробовал объясниться с родителями девушки, но его не пустили даже на порог... Вскоре семья уехала. Через несколько месяцев он узнал, что у него родился сын... Парень навел справки, разыскал их в чужом городе. Но родители опять выставили его за дверь... Мать и отец любили свою дочь и желали ей только добра. Они хотели, чтобы их девочка была счастлива. А дочь любила кудрявого юношу и тоже мечтала о счастье... Две любви столкнулись, как встречные машины на скользкой дороге... Вернувшись домой, парень взял отцовское ружье и выстрелил себе в сердце.

– Это грех – лишать себя жизни, – сказала Даша. – Теперь его душа так и будет скитаться неприкаянной.

– Вы верите, что существует такая субстанция, как душа?

– Верю. А вы?

– Я даже чувствую, где она находится. Вот здесь... – Артур хлопнул себя ладонью по груди. – Иногда она болит...

– Вы крещеный?

– Недавно окрестился, вместе с дочкой.

– Сколько ей?

– Десять лет... А у вас есть дети?

– Нет. Во всяком случае, пока...

Они шли, касаясь друг друга плечами. И эта близость рождала странное чувство, будто они давно и хорошо знакомы.

– Вот мы и пришли, – улыбнулась Даша. – Спасибо, что проводили.

– Передавайте привет папе. Скажите, что я его помню...

Прощавшись, Артур повернул назад. Всю дорогу до дома не переставал думать о ней. «Даша... Даша... – повторял он про себя. – Какое нежное, легкое имя. Как шелест листвы, как шуршание песка, как шепот волн».

Поднявшись в лифте на свой этаж, Сибирцев позвонил в дверь. Открыла жена.

– Ты, никак, выпил? Ну-ка, дыхни! – строго сказала Вика.

– С чего ты взяла?

– Странно... Глаза, как у пьяного, блестят.

Глава 2

В понедельник Артур между делом заглянул в медицинский кабинет. Втайне он надеялся снова увидеть там Дашу. Но Оля была одна.

Поговорив немного на отвлеченные темы, Сибирцев спросил:

– А где подружка твоя? Позвонила бы, пригласила бы в гости...

– Тебе нужно, ты и звони, – усмехнулась она.

– Телефон дашь?

Оля небрежно черкнула на бумажке несколько цифр и подала Артуру. Поблагодарив, он сунул листок в карман и пошел к себе.

Долго сидел перед аппаратом, не решаясь набрать номер. Было отчего-то неловко... Наконец позвонил.

– Алло, – послышался в трубке нежный голос.

– Привет, Даша, это Артур.

– Я узнала.

– Как день рождения прошел?

– Хорошо... Засиделись допоздна, потом пошли Олю с мужем провожать... Погода была замечательная. Белые ночи уже начались, светло как днем... Перед сном прогулялись.

– Что там такое свистит?

– Чайник закипает. Сейчас чай пить буду.

– А для меня случайно лишней чашки не найдется?

– Найдется, приезжай...

– Я не скомпрометирую тебя в глазах коллег? Скажут, мол, посторонний мужчина...

– С часу до двух у нас обед. Пока ты доедешь, все уйдут.

– Как тебя найти? Я ведь не знаю адреса.

– Сейчас объясню...

Ровно в час дня Артур вошел в парадное большого серого дома, поднялся на второй этаж, повернул налево и остановился возле двери с табличкой «Планово-экономический

отдел». Сердце тревожно забилося. Он перевел дыхание и постучался. Даша встретила его приветливо.

– Здесь, значит, ты и работаешь? – спросил Артур, оглядываясь. – А где твой стол?

– У меня отдельный кабинет... Дверь возле плаката видишь? Вот там... Пойдем?

– И что у тебя за должность?

– Экономист.

– Понятно... Как коллектив?

– В основном, коллектив у нас женский... Это, сам понимаешь, сплетни, интриги. И руководитель – женщина...

– У нас, кстати, директор тоже женщина.

– Находите общий язык?

– Не всегда... Не зря древние говорили: женщина у власти – хуже войны.

Пока Артур осматривал кабинет, Даша хлопотала возле стола. Она казалась немного смущенной, легкий румянец проступал у нее на щеках. Длинные светлые волосы были аккуратно уложены на затылке и скреплены заколкой. Пестрая кофточка туго обтягивала высокую грудь; темная длинная юбка мягко струилась по бедрам... В каждом взгляде, движении, жесте чувствовалось какое-то особое обаяние, которое дается немногим и которое никакими усилиями невозможно воспитать в себе. Это как талант – с ним надо родиться.

– Ты почему с чаем ничего не берешь? – спросила Даша. –

Вот пряники, пирожные... Угощайся.

– Не хочу.

– Почему?

– В присутствии красивой женщины у меня пропадает аппетит. Ничего не могу с собой поделать.

– Значит, я на тебя плохо действую?

– Скорее наоборот...

За чаепитием и разговорами Артур не заметил, как пролетело время. Но когда Даша украдкой начала поглядывать на часы, понял – пора уходить.

На следующий день Сибирцев снова позвонил ей на работу и предложил в обеденный перерыв посидеть в кафе. Подумав, Даша согласилась. «Только недолго, ладно?» – предупредила она.

Артур встретил ее возле подъезда. Кафе было рядом, на той же улице. Они перешли дорогу и спустились в маленький уютный подвальчик.

Разговор не клеился. Артур ощущал непонятное беспокойство. Даша тоже держалась скованно. Допив кофе, она стала собираться.

– Мне еще домой надо зайти... Женщина на работе просила денег одолжить до получки, а с собой у меня нет.

– Я провожу тебя? – нерешительно произнес Артур.

– Да, конечно...

Они вышли на улицу и, молча, зашагали в сторону ее до-

ма. Шли быстро, почти бежали, словно кто-то преследовал их... Холодный северный ветер гнал по небу серые тучи. Асфальт был мокрым от недавнего дождя. Резко пахло цветущей черемухой. Сибирцев на ходу сорвал белоснежную кисть, поднес к лицу, вдыхая тонкий горьковатый аромат.

Около дома Даша замедлила шаги.

– Хочешь посмотреть, где я живу? – неожиданно спросила она.

– Хочу, – почему-то шепотом ответил Артур, почувствовав легкий озноб.

– Только давай войдем в подъезд порознь. А то соседи... Мало ли что подумают?

Она назвала номер квартиры и пошла дальше одна. Артур потоптался немного возле газетного киоска и двинулся за ней следом.

Быстро поднявшись на нужный этаж, он остановился напротив ее квартиры. Обитая коричневым дерматином дверь, была слегка приоткрыта. Артур легонько толкнул ее и, воровски оглянувшись, вошел.

Даша стояла в прихожей уже без плаща.

– Раздевайся, проходи, – сказала она, подавая ему домашние тапочки.

В квартире было чисто и светло; везде порядок, каждая вещь на своем месте. Стены украшали акварельные пейзажи.

– Где покупали? – поинтересовался Артур.

– Мы не покупали. Это знакомый художник подарил.

Между двух картин Сибирцев увидел небольшое полотно с вышитыми на нем яркими полевыми цветами. Он подошел ближе, провел пальцем по шелковым гладким бутонам.

– Тоже кто-нибудь подарил?

– Нет, это я сама... – ответила Даша.

– Неужели? – удивился Артур. – На какой-то специальной машинке вышивала?

– Ага... Вот на этой, – она протянула ухоженные руки, пошевелила растопыренными пальчиками.

И сколько же времени тебе понадобилось?

– Полгода. В каждый день... Даже не знаю, зачем это нужно?

– Как зачем? Ведь здорово, когда человек не только понимает красоту, но и стремится передать ее людям. У тебя неплохо получилось.

– Правда? Тебе понравилось? – тихо спросила Даша.

– Да, – еще тише произнес Артур.

Он шагнул к ней, и они оказались совсем рядом. Взяв ее за плечи, Артур подался вперед. Даша подняла голову – и губы их встретились.

Нежно целуя, Сибирцев увлек ее на диван. Не разжимая объятий, они сели рядом. Ощутив щекой горячее Дашино дыхание, Артур непослушными пальцами принялся расстегивать пуговицы у нее на вороте. Она трепетала как лист и, словно пытаясь согреться, все теснее прижималась к нему. Обнажив ее грудь, он припал к ней губами, а рукой между

тем гладил колено; потом заскользил все выше и выше по бедру, пока не почувствовал под пальцами прохладный край шелкового белья.

– Нет-нет... – встрепенулась Даша. – Не надо.

Она приподнялась и, присев на краешек дивана, быстро одернула юбку, застегнула кофточку, поправила волосы.

Артур сосредоточенно рассматривал узоры на собственных носках.

– Ты не обиделся? – она заглянула ему в глаза.

– За что?

– Не обижайся, я, правда, не могу... Здесь...

Она уткнулась ему в плечо.

Какое-то время они сидели так, потом Даша встала и, улыбнувшись, как ни в чем не бывало, сказала:

– Пошли чай пить... Сейчас свежего заварю.

Вскоре Сибирцева отправили на неделю в командировку, в зеленый и цветущий курортный город. Особо не обремененный работой, он большую часть дня отдыхал: гулял по тихим тенистым улицам, купался в море, загорал на пляже.

Все это время Артур не переставал думать о ней. Он представлял, что где-то далеко вот так же сейчас вспоминает о нем и улыбается милая женщина по имени Даша. И стоило воскресить в памяти ее образ, как тотчас быстро и тревожно начинало стучать сердце.

«Надо позвонить», – подумал он, проходя мимо почты.

В зале было прохладно. Возле окошечка, где продавали жетоны, стояло несколько человек. Сибирцев дождался своей очереди, протянул деньги и, получив горсть металлических кружочков, отправился искать свободную кабину.

Даша взяла трубку после первого гудка.

Артур! – радостно воскликнула она. – Как у тебя дела?

Все нормально. Отдыхаю, как в отпуске. Жара здесь стоит невыносимая.

– Счастливый... А у нас дожди и холод.

– Ничего, скоро я приеду и привезу с собой лето.

– Хорошо бы... Чем, там, в свободное время занимаешься? За женщинами, небось, ухаживаешь?

– Что ты, какие женщины! И в мыслях не держу... Да и потом, все равно здесь никого красивей тебя нету.

– Ладно, так я тебе и поверила!

Они поболтали еще немного, потом темы для разговоров как-то разом иссякли. Возникла неловкая пауза. Молчание затягивалось...

– Ну, поговори еще, поговори... – почти умоляюще произнесла Даша.

Артур почувствовал, как от этих слов екнуло под ложечкой. И долго потом это «поговори еще, поговори» сладкой музыкой звучало в его душе.

Вернувшись, Сибирцев назначил ей свидание в городском парке. В будни там было немногочисленно, и это устраивало

обоих.

День выдался пасмурным, безветренным и дождливым. Спрятавшись под зонтом, Артур степенно прохаживался возле серой гипсовой статуи пионера с горном. По замыслу скульптора, она, вероятно, должна была символизировать нечто возвышенное, показывать целеустремленность и напор подрастающего поколения. Но вмешательство неизвестного «соавтора» напрочь лишило изваяние гражданского пафоса. Вместо отломанного горна шутник вложил в худенькую детскую руку бутылку из-под коньяка.

Дождь все усиливался. Тяжелые капли глухо стучали по листьям деревьев, по туго натянутой материи раскрытого зонта, шлепали по лужам, оставляя на мутной поверхности радужные воздушные пузыри.

«А вдруг она испугается дождя и не придет?» – подумал Артур, беспокойно оглядываясь по сторонам.

Но Даша пришла. Сквозь потоки небесной воды Сибирцев разглядел знакомый силуэт. Отважно ступая по лужам, Даша спешила к нему.

– Здравствуй, – улыбнулась она. – С приездом...

– Спасибо. Рад тебя видеть... Хорошо выглядишь...

– Ага, особенно с такой прической, – она приподняла пальчиками мокрую прядь потемневших волос.

– Погоду для прогулки мы с тобой, действительно, выбрали неудачную... Но кто знал?

– Ничего, так даже лучше – меньше ненужных глаз.

– Сколько времени у тебя есть?

– Часа три... Куда пойдем?

– Куда-нибудь, где никого нет. Я знаю одно место, там скамейки под навесом.

Они пошли по узенькой асфальтовой дорожке вглубь парка. Чем дальше, тем гуще обступали их кусты и деревья.

Дождь почти перестал, небо посветлело. Примолкшие птицы снова робко запели.

– Когда ты уехал, – сказала Даша, – мне стало так грустно. Будто рассталась с кем-то из очень близких людей. Даже заплакала...

Сибирцев взял ее за руку. Пальцы у нее были холодными и мокрыми от дождя.

– Не озябла? – спросил Артур, согревая ее ладонь в своей.

– Пока нет. Но промокла до нитки... В туфлях вода хлюпает.

– Вот незадача... – он почувствовал себя виноватым. – Ты смотри, хоть не простынь.

– Заболею – будешь лечить. Так и знай!

– Готов ночи напролет сидеть возле твоей постели, поить чаем с малиной, рассказывать сказки... Но, думаю, это вряд ли понадобится. Пока я рядом – не дам тебе замерзнуть!

Он обнял ее и поцеловал в губы. Она ответила таким же трепетным и долгим поцелуем. Холодные капли с покосившегося зонта падали Артуру за шиворот, но он словно не замечал этого.

Вдали послышался неясный шум. Подняв глаза, Сибирцев увидел бегущих по дорожке людей. Они быстро приближались.

– Черт бы побрал этих спортсменов! – беззлобно ругнулся он.

– Всюду народ, – рассмеялась Даша. – Никуда не спрятаться.

Тяжело дыша, юноши в спортивных костюмах стремительно пронеслись мимо и скрылись за поворотом. Артур с Дашей переглянулись и, взявшись за руки, пошли рядом.

– У нас на кухне обновка, – похвасталась она. – Андрюша полочки такие красивые сделал. Под красное дерево.

– Хозяйственный у тебя муж. Я бы ни за что не смог... Даже утюг починить для меня – проблема трудноразрешимая.

– Но ведь ты бывший слесарь...

– Да какой из меня слесарь! – отмахнулся Артур.

Скамейки под навесом оказались сухими. Они присели на одну из них.

– Ты сбежал с работы? – спросила Даша.

– Мне нетрудно это сделать... А ты?

– Взяла на сегодня отгул. Но оказалось, что муж тоже сегодня дома. Поэтому долго быть с тобой не смогу.

– Жаль...

– На следующей неделе я уйду в отпуск. Тогда у меня появится много свободного времени.

– И мы сможем видеться каждый день?

– Если ты захочешь...

Артур обнял ее и радостно прошептал на ухо:

– Конечно... Еще как захочу!

Снова вокруг потемнело, водопадом обрушился ливень. Они замолчали. Сидели, тесно прижавшись, друг к другу, и слушали шум дождя.

Романтическую идиллию нарушили комары. Невесть откуда взявшиеся, они с гнусным монотонным звоном набросились на притихшую парочку. Поначалу Артур и Даша пробовали отбиваться, но, поняв, что это бесполезно, сдались.

– Пойдем отсюда, – сказала Даша, потирая красное пятнышко укуса на щеке. – А то, что я мужу скажу?.. Где в городе комаров нашла?

Раскрыв зонты, они покинули убежище.

Глава 3

Редакция городской газеты «Новое время», где работал друг Артура – Виктор Паромов, располагалась на втором этаже старинного дореволюционного особняка. Сибирцев часто бывал здесь. Редактор, узнав, что через год он оканчивает литературный институт, предложил сотрудничать. Артур согласился, и теперь периодически на страницах еженедельника появлялись его заметки, статьи и очерки.

Но сегодня он пришел не для того, чтобы отдать новый материал. Ему срочно был нужен Виктор.

Дверь в его кабинет оказалась запертой. Артур растерянно глянул по сторонам.

– Вы Паромова ищете? – спросила проходившая по коридору женщина. – Он где-то здесь, недавно его видела.

Сибирцев заглянул в ближайший кабинет. Там сидели трое. Его неожиданное появление вызвало среди них легкую панику. Фотокорреспондент Еременко быстро спрятал что-то под стол, заведующий, отделом промышленности Карпов закрылся газетой, а репортер Сеницын молниеносно задержал шторы.

– Привет! – улыбнулся Артур.

– А-а, это ты... – разом облегченно вздохнула вся троица, возвращая на стол початую бутылку водки, стаканы и закуску. – Стучаться надо!..

– Чего вы такие зашуганные?

– Представь себе, – болезненно сморщился Сеницын, – наш дятел решил за трезвость бороться... Вот ты, например, видел когда-нибудь редакцию, где бы ни пили? И я не видел... И он, – Сеницын ткнул пальцем в сторону розовощекого Еременко, – тоже не видел! И никто никогда не увидит! Потому что нет таких...

– Где Паромов? – прервал его Сибирцев.

– Вроде, машинистке диктует, – сказал Карпов. – Посмотри.

Артур прошел по коридору и в одной из комнат увидел Виктора. Держа в руке растрепанные, густо исписанные ли-

сты, он негромко, выдерживая паузы, читал текст, а сидящая напротив рыжеволосая девушка, склонившись над электрической пишущей машинкой, выстреливала следом за ним короткими и длинными очередями.

Не желая отвлекать друга, Сибирцев остался в коридоре. Присев на стул, он взял с журнального столика подшивку газет и принялся бесцельно перелистывать пожелтевшие страницы.

– Безобразие! – услышал Артур рядом знакомый голос, – Никогда его нет на месте!

Он поднял голову и увидел соседа по дому, Василия Павловича.

– Неслыханно! – продолжал возмущаться Баженов. – Прихожу в который раз, а его опять нет!.. Что за редактор! На работе не бывает... Вы тоже к нему?

– Нет, друга пришел навестить, – ответил Сибирцев.

– Ясно... – разочарованно вздохнул Василий Павлович, как бы сожалея, что лишился единомышленника, и, обхватив покрепче большой черный портфель, уверенно произнес:

– Все-таки я его дождусь!

Артур мысленно посочувствовал редактору... Однажды тот имел неосторожность опубликовать заметку Баженова. И вот теперь расплачивался. Василий Павлович преследовал его с настойчивостью россомахи. Редактор бегал от него, как мальчишка, прятался в чужих кабинетах, но Баженов,

открывший в себе дар публициста, был неутомим.

Сибирцев знал также, что Василий Павлович готовится к изданию своего многостраничного романа, отрывки из которого читал ему несколько лет назад... Все эти годы Баженов ходил по городским издательствам, ездил даже в Москву. Но никто роман его опубликовать не отважился. Тогда он решил сделать это самостоятельно. То есть издаться за свой счет... Известно, за деньги чего хошь напечатают. Вот только где их взять? Решил он тогда продать кое-что из мебели, телевизор, магнитофон и велосипеды. Вырученных денег, по его расчетам, должно было хватить, чтобы выпустить книгу тиражом в восемьсот экземпляров... Родственники и друзья пытались отговорить его от этой безумной затеи, но он стоял на своем. «Ницше, – говорил он, – в первый раз издал свою «Заратустру» еще меньшим тиражом. Но это не помешало ему стать знаменитым». Василий Павлович был уверен, что роман принесет ему известность. В тайных мечтаниях видел он толпы восторженных почитателей, многочисленные телевизионные и газетные интервью, рецензии восхищенных критиков.

Сибирцев украдкой взглянул на него. Кургузый, заштопанный на локтях пиджачок, мятые брюки, стоптанные башмаки... Что-то похожее на жалость шевельнулось в душе. «А чем я отличаюсь от него? – грустно подумал Артур. – Те же амбиции, та же слепая вера в свою звезду, то же навязчивое желание, во что бы то ни стало опубликовать написанное...

Возможно, и мне предстоит череда таких же унижительных хождений. Что с того, что я окончу литературный институт? Диплом никаких гарантий на этот счет не дает. Есть немало выпускников, которые преспокойно работают сейчас библиотекарями и лифтерами... Где же та грань, что разделяет писателя и графомана? И есть ли она вообще?»

Глядя на ссутулившегося Василия Павловича, Артур представил себе, как вечерами садится к столу этот маленький взъерошенный человек и при тусклом свете старенькой лампы пишет и пишет никому не нужные, бессмысленные строки. Вечер за вечером, год за годом...

«По каким критериям определить: графоман ты или писатель? – размышлял Сибирцев. – С чужими произведениями проще. Тут сразу ясно... А как быть со своими? Ведь для автора они все равно, что дети. А дети могут родиться вундеркиндами и дебилами, красавцами и уродами... Но родительская любовь слепа...»

В коридор вышел Виктор Паромов. В одной руке он держал листы с отпечатанным текстом, в другой – черновики.

– Давно пришел? – спросил он Артура.

– Не очень.

– Чего не сказался?

– Мешать не захотел.

– Идем ко мне...

Они вошли в кабинет. Виктор сел за стол и принялся пра-

вить только что отпечатанный текст.

– Видел тебя на днях, – сказал он Сибирцеву, не отрывая глаз от листа.

– Где?

– Попался мне навстречу с какой-то блондинкой... – Виктор поднял голову. – Симпатичная женщина... Я тебе даже позавидовал.

– Слушай... – Артур замялся. – Ты говорил, что у тебя жена с детьми на юг уезжает.

– Да, вчера проводил.

– Не мог бы ты меня выручить?..

– Ключ, что ли, дать от квартиры? – догадался Паромов.

– Ага...

– Бери... Когда тебе нужно?

Глава 4

На улице Артур и Даша шли на некотором расстоянии друг от друга. Со стороны могло показаться, что они едва знакомы. И лишь когда за ними захлопнулась тяжелая дверь Паромовской квартиры, дали волю чувствам.

Минут пять они целовались в прихожей. Потом все-таки решили снять обувь. Даша сразу с женским любопытством принялась осматривать квартиру. Артур взял на себя роль экскурсовода.

Из кухни они прошли в гостиную, затем в детскую, от-

туда – в спальню. Несмотря на полдень, здесь царил полумрак. Окна, выходившие во двор, были занавешены кружевным тюлем и полузадернутыми тяжелыми шторами. Кроны разросшихся тополей закрывали солнце. Сибирцев оперся о подоконник... Внизу, в тиши деревьев, на скамейках сидели старушки и вели привычные неторопливые разговоры. В песочнице играли дети.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.